

Маяки

Егор Небо

Егор Небо Маяки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39466729

ISBN 9785449388759

Аннотация

Писатель Александр Стецкий ищет свой путь к индивидуальному бессмертию и внезапно оказывается на пути могущественной и загадочной организации КБО, которая имеет свои представительства во всех странах мира. КБО вот уже восемьсот лет тайно продаёт людям невозможное – ещё одну жизнь.

Содержание

Часть первая.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Маяки

Егор Небо

© Егор Небо, 2018

ISBN 978-5-4493-8875-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая.

«Опережение событий»

1.

Через полчаса в мою дверь действительно позвонили.

Я открыл. На пороге стоял человечек с небольшим чемоданом в руках. Человечек был узкоплеч и мал ростом, но выглядел очень ухоженно и даже, пожалуй, модно.

– Александр Николаевич, вам звонил я, – человечек ни секунды не сомневался в том, кто открыл ему дверь.

– Да-да. Проходите, – я посторонился, давая проход человечку.

– Благодарю вас.

Человечек прошел. Снял одна об одну в прихожей туфли, вопросительно взглянул на меня.

– Эээ... В комнату? – ответил я поднятым бровкам узкоплечего господина. Сейчас я был зол на себя за то, что даже не придумал, где принимать гостя. Те полчаса, что прошли в ожидании после такого внезапного звонка, я совершенно бесцельно слонялся по квартире и думал о чём угодно, только не об этом.

– Ну, или в кухню, – замялся я. Квартира у меня была достаточно просторная, но практически без мебели. Сидеть,

конечно, лучше было на кухне.

– В кухню, так в кухню, – человечек повернулся и бодро направился туда впереди меня по длинному коридору. – Меня зовут Борис. Борис Шепетинский, – сказал он спиной. – Не слышали?

– Мнэээ...

Нет, такой фамилии я не слышал.

Вошли в кухню. Тут тоже все было без излишеств. Кресло-качалка, стол, угловой диван, пара стульев.

Гость поставил чемоданчик на угловой диван, сам бесцеремонно уселся в моё кресло-качалку и вытянул ноги.

– Не слышали, – удовлетворенно сказал гость. – Ничего удивительного.

Я неловко улыбнулся.

– У вас, кажется, курят? – гость уже доставал пачку. Я кивнул и посмотрел, как далеко от человека, который представился Борисом Шепетинским, стоит пепельница. Пепельница стояла как раз. Я потянулся за своими сигаретами, но гость предупредительно протянул пачку. Я поколебался, но потом вытянул себе одну сигарету. Пачка была явно лучше моей, с незнакомым, богатым названием.

Я взял с подоконника коробок и зажег спичку.

– Итак, кто вам передал сведения про Маяки? – произнося это, гость ловко раскрыл свой чемоданчик, вынул из него пистолет и положил возле себя на стол. Ствол ко мне.

Спичка в моих руках догорела и стала жечь пальцы. Я

остолбенело смотрел на пистолет. Спичка потухла.

– Вы курите-курите, – Борис одним движением выпрыгнул из кресла, зажег и поднёс зажигалку к сигарете. Затянуться я отчего-то не мог. Курить перехотелось.

– Ну что же вы, – Шепетинский не переставал держать поднесенную зажигалку. Он улыбнулся и дружелюбно склонил головку набок. – Александр Николаевич...

Усилием воли я взял себя в руки, потянулся к пламени сигаретой и, наконец, затянулся. Борис Шепетинский снова запрыгнул в кресло.

– В каком смысле? – я в оцепенении выпустил дым. Вопрос о Маяках я понимал очень смутно. То есть я понимал и что такое Маяки и вообще Борис не использовал в вопросе незнакомых слов. Но всё это не звучало для меня как-то осмысленно. Однако Шепетинский явно ждал ответа.

– Так в прямом, – сказал он. – В самом, что ни на есть, прямом.

Я посмотрел на ствол пистолета, из которого в любой миг могла выпрыгнуть смерть и незамедлительно меня убить. Мысль об этой перспективе сильно затрудняла для меня понимание происходящего.

– Вы не из библиотеки Конгресса США, – наконец сдавленно понял вслух я.

– Не из библиотеки. Вы совершенно правы, – человек снова приветливо улыбнулся. – Но откуда я – не имеет совсем никакого значения, Александр Николаевич. Вы отве-

чайте, пожалуйста, на вопрос.

Он вел себя так, словно никакого пистолета на столе и не существовало.

– Ну? – повторил Шепетинский. – Так кто и когда вам передал сведения о Маяках?

Я посмотрел на человечка, и до меня наконец стал доходить смысл его вопроса. Если дело действительно в этом...

– Да никто мне ничего не передавал! – я почему-то вдруг решил, что убивать меня никто не собирается, и повысил голос.

– Правда? – спросил мой гость.

Я посмотрел на пистолет, потом решил, что чёрт с ним, с этим пистолетом. Я перевел взгляд на Шепетинского.

– Истинная, – ответил я как мог горячо. – Хотите, побожусь?

По всему было видно, что Борис не хотел, чтобы я побожился. Он ждал продолжения моего доклада. Я, пожав плечами, оказал Шепетинскому эту любезность.

– Да я даже не понимаю, о чем вы говорите! Я... Я смотрел в окно, не помню, какого числа, даже уже не помню, какого месяца. Смотрел-смотрел. На кресле на своём качался. Как вот вы сейчас, – я показал на гостя. – И придумал.

Я затаился. Выпустил дым. Посмотрел на человека, который представился Борисом Шепетинским, и уточнил:

– Ну, про Маяки.

2.

Сейчас, наверно, стоит пару слов сказать о том, отчего я пускаю к себе в квартиру совершенно незнакомых людей, у которых может оказаться чемоданчик, в котором лежит пистолет.

Ответ простой: от тщеславия. Но ответ этот настолько же простой, насколько ничего и не объясняющий.

Однажды в ноябре, да что там однажды, прямо сегодня, когда за окном с серого неба шёл дождь, у меня в телефонной трубке раздался звонок с незнакомого номера.

– Да-да, – ответил я.

– Здравствуйте, – сказал незнакомый голос, звонящий с незнакомого номера.

– И вам. Не хворать, – я не очень люблю такие звонки. Как правило, это или реклама, или звонок со старых работ. А может, чего ещё похуже, о чем я старался не думать.

– Это Александр Николаевич? – засомневался голос.

– Это Александр Николаевич, – сразу сознался я.

– Прекрасно, – голос, кажется, обрадовался. – Вам звонит представитель библиотеки Конгресса США в Восточной Европе.

Ага, понял я. Шутка. Так себе шутка, надо сказать. Но поговорим, может, дальше пошутят смешнее.

– Так, – ответил я.

– Мы имели счастье ознакомиться с вашей книгой, – голос

сделал паузу.

– Очень хорошо, – подбодрил я.

– И хотели бы приобрести некоторый тираж дополнительно.

– Вы не представляете, как я рад, – ответил я.

– И я, и я рад, Александр Николаевич! Когда я могу подъехать к вам для того, чтобы подписать необходимые бумаги?

Шутка получалась какой-то затянутой и совершенно несмешной. Но нужно было дать шанс неизвестному пока мне юмористу.

– Приезжайте прямо сейчас. Я дома, – мне было интересно, как голос выпутается из этой ситуации.

– Как всё удачно складывается, – к моему удивлению, голос действительно, кажется, был счастлив. – Проспект При- тыцкого, 36, квартира 105, правильно?

– Правильно.

– Я могу быть у вас через полчаса.

Тут я в первый раз за разговор немного растерялся. Чем, интересно, это всё должно закончиться?

– Послушайте, – попытался я хоть что-то понять. – А сколько вам нужно экземпляров?

– Так на месте всё и обсудим, Александр Николаевич?

– Ну... – замялся я. Кто это? Не библиотека же Конгресса США приедет сейчас ко мне домой. Даже все моё тщеславие не могло допустить такой мысли. Хотя этот голос откуда-же то знает и про библиотеку... И мой адрес... Неужели?

Не может быть. А вдруг?

Моя несбывшаяся надежда на писательскую славу затаила дыхание. Я протянул:

– Эээ... Ну, приезжайте.

После этого я положил трубку.

Меня зовут Александр Николаевич, мне 36 лет, зарабатываю на жизнь я в основном тем, что пишу сценарии для телевизионных сериалов. Работа не очень яркая и вряд ли приносящая пользу обществу. Хотя бы потому, что тех сериалов, для которых я пишу, сам я стараюсь не смотреть.

Но уж как есть, так есть. С детства я хотел быть писателем, но зарабатывать на жизнь писательским трудом у меня не получилось, как не получается у всех Крупных Современных писателей*. Так вот, я выбрал сценарную работу – в конце концов, это тоже буквы, и даже в работе над сериалами есть проблески творчества. Результаты таких проблесков при окончательном монтаже сериального кино, как правило, выкидывают, но в этом я уже никак не виноват. Здесь, в сценарной работе, мне удавалось продавать себя, свой жизненный опыт по капле. Когда же я писал книгу, я выливал туда целый кастрюль моего опыта, ведро. Было очень обидно, что это никого не интересовало. И что за это никто не хотел платить мне тех страшных миллионов, о которых я мечтал, как мечтает об не весть откуда взявшихся миллионах любой человек с недостаточно развитым уровнем сознания.

Так вот, с детства я хотел быть писателем, поэтому однажды я написал и издал за свои деньги книгу, которая никакого коммерческого успеха не имела. Причин, по которым она не имела успеха, я нашел массу, все они меня одновременно и оправдывали, и делали таким, знаете ли, «писателем не для всех». То есть для себя я решил, что именно этого я и хотел – написать книгу не для массового читателя, а элитарную литературу, которая не всем доступна, но зато идёт от сердца. Без соответствующей раскрутки такая литература продаваться не будет. А так как денег на раскрутку не было, то и продажи были никудышными. Наверняка таким образом себя оправдывает большинство графоманов, которые издают книги за свои деньги. Но что делать, нужно же как-то жить дальше, а не чувствовать себя совершенно бесполезным мудаком.

Вернёмся к книге.

С книгой дело обстояло так.

Однажды до меня дошло, что взрослые точно так же, как и я, ровным счетом ничего не понимают в происходящем вокруг. И что разбираться во всем придется самому.

В результате проведенных изысканий я решил, что любовь – это как будто бы самое главное, что может быть в жизни. Самое важное.

Уж не знаю, убедили меня в этом просмотренные кинофильмы, прочитанные книги, ребята с школьного двора или реклама по телевизору – но как-то стало понятно, что энер-

гия любви – это то, что выше энергии денег, энергии власти, энергии алкоголя и любых наркотиков.

Сам я любить умел очень плохо. Никудышно.

Максимум, что я на этом поле мог отыграть – это полюбить девочку одного со мной возраста, да и то, уверенности, что это именно любовь, а не самое обыкновенное сексуальное влечение не было никакой. А любить хотелось всё без разбору – и травинку, и лесок, в поле каждый колосок. Тотальной хотелось любви. Христовой. Всеобъемлющей. Я видел, что «любить» вот так вот, тотально – это очень полезный (если не самый важный) навык для того, чтобы жить счастливо. А кто же не хочет быть счастливым? Мне кажется, таких людей вовсе и нет.

И я стал думать, что же это такое со мной не так. Продумал я таким образом несколько лет, и пришел к выводу, что главное препятствие в проистечении из меня любви – это моё «я». Не моё «я» даже – а страх того, что это моё я можно кто-то испортить. Лишить пищи или воздуха, избить, покалечить. На моё это «я» может напасть какая-нибудь неприятная болезнь. Моё «я» могут посадить в тюрьму. Ну и самое главное – моё «я» вполне может взять и вообще помереть.

И я решил, что для того, чтобы научиться любить, для того, чтобы ничто не мешало движению потока энергии моей любви, нужно избавляться сразу от гвоздя программы, от ферзя – от страха смерти. Ведь если о болезнях и тюрьме вспоминаешь как о чем-то маловероятном, то страх

смерти намертво защит куда-то в мыслительный процесс – смерть наступит с вероятностью сто процентов. И мысль о смерти постоянно, назойливо, докучливо навещает тебя, а вместе с этой мыслью в душу приходит страх. И съеживает всё в твоей душе. Леденит. А какая энергия может двигаться в таких условиях? Да никакая. И уж тем более в таких условиях не может двигаться энергия любви.

Так как времени у меня было сколько угодно, ещё несколько лет я продумал над тем, как же избавиться от него – от этого самого страха смерти.

Конечно, я занимался также тем, что жил, я жил налево и направо, жил так, как живут молодые активные люди в двадцать пять лет, но вместе с этим я все-таки ещё думал. Каждый, кажется, день. Я думал, думал, думал...

Михаил Веллер писал, что если думать добросовестно – додуматься можно до чего угодно.

Мне кажется, он был прав.

Потому что в результате этих своих многолетних размышлений я взял и придумал Маяки.

Маяки – это такая штука, которая избавляет любого человека от страха смерти, я расскажу о Маяках позже.

Сейчас важно то, что когда я придумал Маяки, мне страшно захотелось поделиться мыслями о Маяках с окружающими.

Я ходил и рассказывал про Маяки знакомым и друзьям. Рассказывал, объяснял.

Однако на пальцах, на ходу, рассказать человеку, который спешит на работу, про Маяки почти невозможно. А вокруг не было никого, кто бы не спешил на работу. Я ещё какое — то время походил и пообъяснял окружающим меня людям. Но, когда понял, что дело это совершенно бессмысленное и таким образом я ничего ни до кого не донесу, я решил написать книгу.

За три года я написал книгу, написал, издал и получил на руки тираж.

Тираж в тысячу экземпляров моей книги я привез домой, раздал часть этого тиража друзьям. Потом ещё часть раздал знакомым. Потом я носил несколько экземпляров книги в своём рюкзаке и раздавал её уж совсем малознакомым людям: тому, кто подвезёт на автомобиле, красивым девушкам, если видел, что они читают бумагу, а не электронный носитель. Случайным собутыльникам, друзьям друзей и так далее.

Всё равно книг оставалось много.

Библиотекарь, которая со мной жила в тот период времени, видела пачки, обтянутые коричневой бумагой, в которых хранилась моя никому не нужная литература, видела мои усилия по её распространению и однажды предложила – слушай, а давай пошлем твою книгу в разные библиотеки мира?

Такая возможность у неё действительно была по роду работы.

– Отчего не давай, давай, – сразу ухватился я за эту мысль.

В конце концов, это не друзьям и знакомым раздавать. Тем более, что и друзья, и знакомые, не обеспеченные моим творчеством, кажется, уже закончились.

Библиотекарь подошла к вопросу ответственно, и моя книга попала в Москву и Питер, в Грузию, Молдову, даже в далекую Бразилию и такую же далекую Канаду, но жемужиной моей коллекции стала библиотека Конгресса США.

Как звучит-то, вы только вслушайтесь – библиотека конгресса США. Это же песня! Теперь я мог всем говорить, что книга моя находится в этой самой библиотеке. И я говорил, конечно. Чувство моей собственной значимости выросло до неба, я раздувался сразу во все стороны, но это достаточно быстро проходило, через пару минут, не больше. Потому что почти сразу за тем, как я раздувался, я вспоминал, сколько книг у меня купили, чтобы прочитать, и этот факт тонкой иглой пробивал пузырь, поднимающий меня над племсом.

После звонка незнакомого человека в тот серый ноябрьский день я пришел в волнение.

Я ходил по комнате и то принимался вычислять, кто мог так пошутить, и какова будет развязка этой шутки, то видел себя выступающим на вручении Нобелевской премии по литературе.

А то вдруг я начинал размышлять о том, нет ли тут вообще какого-то злого умысла?

Затем я смотрел на убранство своей квартиры: кровать, ЭВМ, пара тумб, теннисный стол, телевизор, у которого

в последний месяц временами пропадал звук, холодильник и электроплита.

Денег и ценностей в этой квартире не водилось с той поры, как я начал в ней жить. Какой, к чёртовой матери, может быть тут злой умысел? Пусть приходит.

Ну, и через полчаса, как я уже говорил, в мою дверь действительно позвонили.

3.

Человек, который представился Борисом Шепетинским, покачивался сейчас в моём кресле и, не отрываясь, смотрел на меня.

В паузе, которая повисла над нами обоими, было отчётливо слышно, как хотели шуршать настенные часы. Но батарейка там села, и часы только в бессилии подёргивали секундной стрелкой.

– То есть, вы утверждаете, – произнёс, наконец, мой гость, – что концепцию о Маяках вы придумали сами?

– Утверждаю, – утверждал я.

Убивать меня вроде действительно никто не собирался, но чувствовал я себя всё равно неприятно. Как на суде. Как обвиняемый на суде.

Шепетинский ещё немного покачался в кресле, глядя в задумчивости на меня, потом сказал:

– Я, Александр Николаевич, человек легковёрный. Отче-

го много раз страдал в своей жизни...

Ситуация для меня несколько прояснилась. У Бориса была нелёгкая жизнь, наполненная страданиями. Поэтому он пришел ко мне с пистолетом.

– Лично я вам верю, – продолжил Шепетинский. – Но поймите меня правильно. Так как речь идёт не только обо мне... Не могли бы мы проверить ваши слова на вот этом вот аппарате?

Мой гость снова отрыл свой чемоданчик. Чемоданчик сейчас он открыл шире, чем в прошлый раз, и я увидел в этом чемоданчике очень красивые пачки денежных купюр национального банка США. Пачек было несколько, даже, наверное, штук пять, и они магнитом притягивали взгляд. Шепетинский отодвинул пачки, достал какой-то прибор из чемоданчика и снова обратился ко мне.

– Вы, я надеюсь, не против?

Как можно, Борис? Как можно быть против? Я в целом человек не очень-то конфликтный. Даже в некотором роде буддист. А тут – пистолет. И деньги эти мне показались почему-то такими милыми и симпатичными. И, может быть, даже не просто так оказавшимися сегодня в моём доме. Ну и самое главное – мне действительно совершенно нечего было скрывать.

– Да ради бога, – ответил я.

Борис улыбнулся мне как можно дружелюбнее.

– Тогда позвольте вот сюда свою левую руку, – он перело-

жил пистолет на подоконник, поставил прибор на стол и указал мне, куда следует положить мою кисть. Я сделал так, как просил Борис.

– Спасибо, – Шепетинский что-то набрал на сенсоре прибора и замер.

– А о каких людях вы говорите? – нагло спросил я.

– Что?

– Ну вы говорите, что речь идёт не только о вас...

– Позже, Александр Николаевич. Итак. Ваш год рождения?

– 1979.

– Месяц, день?

– 10 октября.

– Корень из 196?

– 14.

– Корень из 1955?

– Не знаю.

Шепетинский неотрывно смотрел на экран прибора.

– В каких ещё библиотеках есть ваша книга?

Я задумался.

– В российском МГУ точно, в Питере, в какой библиотеке, я забыл. В грузинском национальном лингвистическом университете. Остальное знаю только по городам. Кишинев, Рио-де-Жанейро, Монреаль. Кажется, всё.

– Сколько в вашей квартире комнат?

– Две.

– Столица вашей страны?

– Минск.

– Семейное положение?

– Разведён.

– Как ваша книга попала в библиотеки мира?

Я, как мог короче, объяснил про библиотекаря.

– Кто вам рассказал концепцию о Маяках?

– Ну я же говорил вам уже.

– Александр Николаевич...

– Мне никто ничего не передавал. Концепцию о Маяках я придумал сам. Вот этими вот руками.

– Может быть, головой? – не улыбаясь, спросил Шепетинский.

– Может быть, и головой, – легко согласился я. – Хотя записываю я все-таки руками.

– Как зовут вашего библиотекаря?

– Ольга.

– Фамилия?

– На кой чёрт вам её фамилия?

Во-первых, мой библиотекарь крайне отрицательно относился к тому, что я порой упоминал её фамилию даже в интернете, где мы с ней и познакомились. Во-вторых, никакой логики в выяснении фамилии библиотекаря я действительно не видел.

– Нам очень нужна её фамилия, будьте так добры.

Я немного поколебался, но назвал её фамилию. В конце

концов, я, кажется, имел дело с такими людьми, которые могут узнать эту фамилию и без меня.

– Врёте, – сказал Шепетинский.

Я поколебался снова и назвал фамилию. Теперь уже настоящую.

– Спасибо. Достаточно, – Шепетинский что-то выключил на панели прибора.

Я убрал руку.

Человечек так же ловко, как достал, запаковал прибор обратно в чемоданчик. Взял с подоконника пистолет, положил туда же. Отставил чемоданчик в сторону.

– Александр Николаевич... – Борис посмотрел на меня. – Я, видимо, должен извиниться.

– Ну не стоит, что вы, – я вспомнил о нелёгкой жизни Бориса. Шепетинский не обратил никакого внимания на мои слова.

– Простите за весь этот... мм... антураж. Но сами понимаете, такой антураж сильно ускоряет дело. Если вам придут в голову какие-то глупости относительно меня, то имейте в виду, что внизу в машине меня ожидает водитель. А то знаете... Раз уж непосредственной опасности нет, вы вдруг возьмёте и потеряете голову...

– Я постараюсь ничего не терять, Борис, – сказал я.

Шепетинский выпрыгнул из кресла-качалки и прошёлся по кухне.

– Вот и хорошо, – произнёс низкорослый человечек. Гля-

дя на него, прохаживающегося по комнате, я подумал, что Бориса специально подбирали таким худосочным. Для того, чтобы особенно внушительно выглядел пистолет. Хотя кто его подбирал? Чего он вообще хочет? Что здесь делает? Теперь мне очень хотелось услышать ответы на все эти вопросы.

– Может быть, всё-таки расскажете, какого черта вам от меня надо? – спросил я решительно.

Борис улыбнулся.

– Не злитесь, Александр Николаевич, – сказал он. – Мне действительно надо то, о чём я вам говорил. Я приехал за вашей книгой.

– Из библиотеки Конгресса США, – напомнил я.

– Вы знаете, самое любопытное, что нашли мы её действительно там. Случайно. Среди американцев тоже есть любопытные люди...

– Не сомневаюсь.

– Да, да. Среди технической литературы и трудов профессоров и докторов наук – вдруг ваша... ммм... книга. То, что её вообще нашли – нелепица, случайность.

Шепетинский замолчал, как будто действительно переживая эту нелепую ситуацию: моя книга – и вдруг в библиотеке Конгресса США.

– В общем, мы её обнаружили, – сказал Борис. – И теперь хотим купить весь остальной тираж. Который ещё остался. Сколько, вы говорите, у вас есть ещё книг?

– Ну, – стал в уме подсчитывать я, – штук четыреста, наверно, ещё есть.

Ляпнул я почти наугад. Но Бориса такая приблизительная цифра устроила.

– Я хочу купить их все. За остаток тиража я дам вам... – здесь Шепетинский, который явно знал цифру, которую сейчас собирался назвать, сделал театральную паузу. – Я дам вам за остатки тиража десять тысяч долларов.

Тут у меня немного ослабили колени. Ради этого предложения стоило впускать сегодня Бориса. Мне, наконец, предлагали деньги за мои писательские труды. Хорошие деньги. И было совершенно ясно, что предложение это не шутейное.

Я присел за стол. Наверное, нужно было выдержать какую-то паузу. Надуть щеки.

Но ничего этого я не сделал.

– Я... я согласен, – ответил я.

Борис помедлил с продолжением разговора. Походил по комнате. Рассмотрел яишницу – картину моего отца над электроплитой. Рассмотрел дельфина, картину моей дочери.

– Но в этой сделке есть одно небольшое условие, – сказал, наконец, Борис.

Интересно, какое. Я почувствовал, что сейчас или доллары придётся отправить на благотворительность, или надо будет переписать 80 процентов текста. Я сделал как можно более равнодушный вид:

– Говорите.

Шепетинский посмотрел на меня с видом делового человека, как-то по-новому, по-волчьи. Он понял: я уже в сделке. И теперь мы только обсуждаем подробности.

Борис отошёл от окна, снова сел в кресло. Снова поднял на руки свой чемоданчик, раскрыл его и вытащил красивую, величественную, обаятельную и грациозную пачку долларов США. Положил на стол. Посмотрел на меня.

– Вы больше нигде ничего не публикуете про Маяки, – сказал после всех своих манипуляций Борис. – Ни под каким видом. Ни в статьях, ни в журналах, ни даже в социальных сетях. Вообще нигде, понимаете? А мы будем внимательно за этим наблюдать.

Шепетинский медленно подвинул пачку ко мне.

– Я вам, Александр Николаевич, вовсе бы рекомендовал эту вашу концепцию забыть, – сказал представитель библиотеки.

– Концепцию? – я сказал это, чтобы хоть что-то сказать.

– Ну да. Про Маяки. Это можно назвать концепцией?

Я промолчал.

Борис снова полез в свой чемоданчик и достал два листа с машинописным текстом.

– Это договор. Формальность. Ни в какие суды я с ним, конечно же, не пойду. Но лучше будет, если вы его прочитаете и подпишете.

Шепетинский положил листки на стол, наверх положил ручку. И подвинул их ко мне вслед за деньгами.

*Опережение событий.**Письмо Маргарите, 2012 года рождения.**Письмо первое**Привет, Маргарита, привет, моя дочка.**Тебе сегодня исполнилось 16 лет.**Ты уже совсем взрослая.**Я пишу эти письма, когда тебе всего десять.**А получила ты их только сейчас.**Сделано это для того, чтобы ты всё хорошо поняла.**Скорее всего, меня уже нет в живых, Марго, но это совершенно ничего не меняет. Потому что в этих письмах и то, для чего я жил, и то, почему погиб.**Мне понадобится твоя помощь.**Впрочем, куда я спешу, давай обо всём по порядку.**Сначала я хочу открыть тебе одну тайну. Одну, но большую.**Итак, Маргарита, однажды я понял, что я – не человек. Вернее, не совсем человек. Я понял, что я – инструмент.**Инструмент Бога.**Понимаешь, какая штука: у Бога тоже есть инструменты. Такой ящик, как у мастеров из ЖЭСа, которые приходят починить электричество или потёкший кран.**В мире, который создал Бог, тоже постоянно где-то*

что-то протекает или нуждается в ремонте. Поэтому Богу без инструмента никак нельзя. И такие инструменты у него – люди. Люди очень разные.

Вот в своё время, давно, Бог вылепил одного человека. Вылепил, вдохнул в него жизнь, вдохнул в него сообразительность, много, и – выпустил, наблюдает. А этот человек возьми, и изобрети колесо. Ты представляешь, как сложно было людям без колеса, и как сейчас проще с колесом?

Или вылепит Бог другого человека, вдохнёт упорства, много, и выпустит. И этот упорный человек проделает тысячу неудачных экспериментов, а на тысячу первый изобретает лампочку, которая тебе сегодня свет каждый день даёт.

Так вот, я – такой же инструмент Бога. Бог сначала меня вылепил. Потом вдохнул воображения – и тоже много. Для того, чтобы я однажды изобрёл Маяки, которые светят не через пространство, а через время.

И я их изобрел.

Я попробую сейчас тебе рассказать, как работает они работают.

Когда человек помирает, его кладут в деревянный ящик, плачут с причитаниями, потом прощаются с человеком навсегда, забивают тот деревянный ящик гвоздями и закапывают в поверхность матушки нашей, планеты Земля.

Так вот, я со всем согласен, кроме одного. Я не согласен прощаться навсегда.

Это, на мой взгляд, совершенно необязательно.

Давным-давно всем известно, что есть у людей такая штука – «душа». И что штука эта путешествует из тела в тело, бесконечно.

Известно это всем давным—давно, да вот только доказать это ещё никому не удавалось. Не лепил Бог такого человека, который бы доказал. Но вот время, наконец, пришло. И Бог слепил меня.

Когда я закончил институт, мне долго не удавалось понять, отчего так криво складывается моя жизнь. Отчего так нелепо и так нескладно.

Люди вокруг жили спокойно и тихо, ходили на работы, зарабатывали себе на жизнь.

Я же ходил в дырявых кедах, пил, убегал от контролёров в автобусах, ел куриные суповые наборы ценой в доллар за килограмм, устраивался на какие-то нелепые работы, которые меня никогда не интересовали, и думал. Я постоянно думал о том, как всё устроено. Как устроено то, что скрыто от наших глаз.

Люди вокруг влюблялись, женились, строили себе дома, рожали сыновей и сажали деревья.

Я в это время думал, пил спиртосодержащий боярышник, стригся наголо, потому что не было денег на парикмахерскую, увольнялся с работ, ругался с твоей мамой и, наконец, довёл наши с ней отношения до того, что наша семья развалилась.

Люди вокруг богатели, имели достаток и семью, ездили летом к морю, а зимой – на горнолыжные курорты Австрии и Франции, люди посещали памятники архитектуры, смотрели на другие страны. Одевались от Paola, дарили друг другу подарки на праздники, ходили в рестораны.

Я уже редко вставал со своего дивана, почти не выходил из комнаты. Я лежал и думал. На те небольшие потребности, что у меня были, я научился зарабатывать, не вставая с дивана: я писал сценарии, статьи, сказки, рассказы.

Тут есть один уместный вопрос.

Вопрос о том, почему, если уж я инструмент Бога, Бог не дал мне каких – то данных по улучшению этого мира сразу, без всего этого лишнего?

Потому, дочь, такие вещи должны ипами пройти через твоё сердце.

Для того, чтобы их понять.

Потому что, дочь, если Бог тебе это возьмёт и вывалит всё за один раз. Ты посмотришь на эту кучу. Плечами пожмёшь, да и пойдёшь себе дальше. Ну, в лучшем случае поковыряешься в этой куче немного, лениво, без страстного, жгучего желания. И всё.

Что же, по-твоему, опять Богу лепи человека, опять выпускай, опять наблюдай? Нет, у Бога всё устроено чётко и ровно, у него всё работает, как часы. Даже лучше, чем часы. Во много раз лучше.

Так я лежал, думал. И, наконец, я додумался. Я понял,

мальши. Я понял то, что хотел понять.

Ведь если думать добросовестно, понять можно что угодно. Запомни это.

Сразу же за пониманием я увидел, отчего жизнь моя так крива. Я догадался, что я – инструмент Бога.

Я пришёл в этот мир не наслаждаться телячьим семейным бытом, кататься зимой на лыжах, а летом фотографировать город Рим. Благоустраивать дачный участок или подстригать газон около своего загородного дома. Я – инструмент.

Ты видела когда-нибудь, как работает с инструментами слесарь на СТО? Конечно, ты видела. Ты просто вспомни черную кошку в серой коробке, её чумазых котят, которых мы привозили домой купать, ты вспомни их, и мигом вокруг этой коробки возникнут стены автосервиса, встанут в полный рост синего цвета подъёмники, на которых висят машины, и начнут ходить вокруг этих машин слесаря, которые занимаются ремонтом. Ну, вспомнила? Инструмент у них в процессе работы валяется, как попало, он в следах смазки и грязи, выщербленный, ударенный сотни раз с разных сторон молотком. На то он и инструмент.

Так вот я – такой же инструмент Бога. Богу нет никакого дела, в комфорте ли я, есть ли у меня семья и много ли у меня врагов. Бог лепил меня не для того, чтобы этим интересоваться. Глупо отрицать, он, конечно, подбрасывал мне кое-что в жизни. Но ведь хороший слесарь тоже сле-

дит, чтоб инструмент не пришел в негодность. А я запросто мог. Прийти в негодность.

Итак, я изобрел Маяки.

То есть прости, немного не так. Я ничего не изобрел. Маяки существовали всегда. Я придумал, как эти Маяки продемонстрировать всем. Чтобы все увидели, что они-таки есть. И что Маяками можно и нужно пользоваться.

Теперь о Маяках оставалось только рассказать.

5.

Как я уже вам говорил, ничего, кроме пятидесяти сценариев, по которым сняли сериальное кино, моей книги и ещё живого журнала в моём творческом багаже, фактически и нет.

Рассказики и разные статьи, которые я писал для журналов и газет, очерки какие-то, работы на конкурс, дипломы на двери моей комнаты – это тоже было, но как-то совсем уж не воспринималось мной самым всерьёз. Всё это было чем-то игрушечным, ненастоящим.

Но если ещё 10 ноября в этом своём творческом багаже книгу о Маяках я никак не выделял, то сегодня, 11 ноября, книга эта уже стала казаться мне совсем немалой ценностью. Засияла, можно сказать, жемчужиной. Не меньше.

И вот передо мной сидит человек, который хочет эту жемчужину купить. Купить без моего права переиздания или

дальнейшей работы над концепцией Маяков.

Купить за десять тысяч долларов.

По-моему, жемчужины стоят больше.

Тем более, что мне пришлось бы продать всё, с потрохами. Мне пришлось бы забыть о концепции Маяков.

Конечно, если бы я не видел в чемоданчике Шепетинского большого количества нарядных пачек с банкнотами, я бы, может быть, так и не думал. Но я прикинул, что с собой у него тысяч пятьдесят, не меньше. Тут же я решил, что все эти деньги предназначаются для того, чтобы купить меня и моё молчание. Просто первый заход – это как будто бы на лоха. Хотят купить дёшево. Зачем давать пятьдесят, если лох продаст за десять?

Шепетинский положил листки договора на стол, наверх положил ручку. Придвинул всё ко мне.

– Сто тысяч, – ничуть не стесняясь и глядя в глаза Шепетинскому, произнёс я. Чёрт его знает, сколько там в его саквояже. Не будем мелочиться.

Борис посмотрел на меня с печалью.

– Не расслышал?... – сказал он, хотя было очевидно, что расслышал он всё прекрасно.

– Сто тысяч долларов, – повторил я.

– Вы верующий человек, Александр Николаевич? – спросил зачем-то Шепетинский.

– Ну допускаю... Что нечто такое есть.

– То есть Бог.

– Пусть будет Бог.

– А чего же вы его не боитесь, Саша?

– В каком смысле? – не понял я. Я действительно не понял.

Человечек взял со стола пачку сигарет, сунул сигарету себе в рот:

– Бога вы не боитесь, Александр Николаевич, вот в каком смысле. Вы сколько книжечек-то своих продали?

Шепетинский занялся прикуриванием сигареты.

– Все мои, что продал, – меня стал злить этот разговор. Борис затыкнулся и выдохнул, получилась пауза.

– Саша, не валяйте дурака. Кстати, позвольте вопрос.

– Позволяю, – я почувствовал, что торговаться придётся жестко.

– Саша, прошу прощения. Скажите, а отчего вы так одеваетесь? Ждали, в общем-то, достаточно уважаемого человека в гости, может быть, даже из-за границы. А выглядите, мягко говоря...

На мне была выцветшая майка с растянутым горлом, старые, совершенно не модные джинсы и разные носки. По сравнению с элегантным Шепетинским я выглядел действительно, как минимум, странно. Не совсем для приёма гостей.

– Чтобы быть не похожим на вас, – сказал я зло. Я действительно не кривил душой. К своим тряпкам я относился с подчеркнутой небрежностью, с неким вызовом окружаю-

щему миру.

– На кого это, позвольте узнать, на «нас»? – не понял Борис.

О. Мы хотим поговорить про это? Что же. Извольте.

– На тех, кто за Givenchy и Francesco Smalto продали за чем-то всё. Свой талант, свои способности, умение любить и делать прекрасное, – я с интересом посмотрел, как вытягивается лицо Бориса и безжалостно продолжил. – Творить, самое главное. Вот, что вы продали за деньги – способность творить!

– Скажите пожалуйста, – Шепетинский откинулся на спинку стула. – Сколько всего вы обо мне знаете. За неполных, – Борис взглянул на часы, – сорок пять минут.

– Ничего сложного, Шепетинский. Таких, как вы, я определяю даже быстрее. Вы, наверное, забыли, что я какой-никакой, а писатель. Хотите, я даже немножко о вас расскажу?

– Расскажите, – у Бориса, очевидно, было время на такие разговоры.

– Вы... Вы какой-то функционер в конторе, явно вам не принадлежащей. У вас высокий оклад, но ничем, кроме перекладывания бумаг из одной корзины в другую, ничем, кроме сложения и отнимания на калькуляторе, ничем, кроме распоряжений, которые мог бы запросто давать любой сообразительный выпускник школы, вы не заняты. Правильно?

– Ладно, – ответил Борис. – Оставим этот разговор.

Видимо, он хотел услышать что-то другое. Шепетинский

посмотрел на часы.

– Вернёмся лучше к основной теме моего визита, Саша, – сказал он. – Стецкий. Мне кажется, десять тысяч долларов – это очень хорошие деньги за вашу книгу.

– Так и берите книгу, Борис, – сказал я. – Вы ж хотите вообще все. Вы же хотите, чтобы я забыл о том, о чем размышлял в течении десяти лет своей жизни. Поэтому и прайс другой. Мне вообще кажется, что я дешевлю

Представитель библиотеки молча смотрел на меня.

Тут у меня мелькнула, как мне показалось, очень дельная мысль. Я заговорщицки посмотрел на Шепетинского.

– Борис, давайте так. Пишем в договоре сто тысяч, на руки вы мне даете семьдесят пять. Двадцать пять ваши. Идет?

На лице Шепетинского появилась грусть.

– Ну хорошо, – понял я его взгляд. – Ваши пятьдесят, и мои пятьдесят, в договоре пишем сто. Ну?

Борис покачал головой.

– Александр Николаевич, вы никак не можете понять, что дело здесь вовсе не в деньгах. Сто или десять тысяч – нам не важно.

– Кому это «вам»? – спросил я.

– Организации, – ответил Шепетинский. – Вы угадали. Я действительно представляю мощную, могущественную и обладающую весьма существенными денежными ресурсами организацию.

– А называется, как, не слышу?

Борис достал из кармана визитку и протянул мне. На визитке было написано «Канадская береговая охрана». На русском и английском языках. И стояла фамилия Шепетинского и инициалы. В должности числилось «куратор». Я ничего не понял.

– А кого вы куратор, Борис Абрамович? – попытался разгадать я букву «А» в инициалах Бориса.

– Анатолевич, Борис Анатолевич, – поправил Борис. Кажется, он ожидал, что теперь поправлюсь я.

– Так куратор вы кого, Борис Анатолевич? – поддался я.

– Ваш. Я ваш куратор, Саша. Теперь уже – до конца ваших дней.

Почему-то мне стало не очень уютно. Во-первых, Борис был старше меня лет на пять. А во-вторых, сама перспектива конца моих дней в компании куратора Бориса мне не была мила.

Шепетинский дал мне переварить сказанное и продолжил:

– Так вот, как я указывал вам раньше, Стецкий. Дело совершенно не в деньгах. Сто тысяч или десять тысяч – нам это практически не важно. Но. Дело в том, что, когда закончатся эти сто тысяч... А они, поверьте, Стецкий, закончатся очень быстро. С деньгами, которые не заработаны, происходит так почти всегда. Так вот, когда эти сто тысяч закончатся, вы снова придёте к нам. И будете пытаться нас шантажировать. Вас тогда придётся или убить, или куда-то спрятать

или лишить возможности мыслить. А мы ведь не преступники, Александр Николаевич. Мы чтим уголовный, а временами даже и административный кодекс. Мы живем в ладах с законом, понимаете?

Я понимал.

– Подумайте ещё раз, Саша. Вот десять тысяч, и больше за концепцию о Маяках мы вам не предложим. И никто не предложит. Вы должны это осознать. Десять тысяч – и всё, – Борис опять сделал паузу. – Берёте?

Блефует. Для кого тогда остальные пачки

– Пятьдесят тысяч, – как можно более спокойно сказал я. Я вспоминал внутренности чемоданчика Шепетинского и снова и снова пересчитывал пачки. Пачек получалось никак не меньше пяти.

– То есть десять тысяч вы не берёте и подписывать ничего не будете?

– Именно так.

Борис пожал плечами, открыл свой чемоданчик, и камера заработала в режиме обратного просмотра – сначала исчезли договора, потом ручка, а затем и такая красивая пачка с купюрами.

– Всего тогда хорошего, Александр Николаевич. Моя визитка у вас есть. Захотите продолжить диалог – звоните. Только учтите, каждую неделю из ваших десяти тысяч будет отниматься по пятьсот долларов.

Какой, однако, козёл. Хороший переговорщик, но козёл. Нет, так просто он не уйдёт. В дверях, он сломается в дверях. Откроет свой саквояж и вывалит все пятьдесят. А не жалких десять. Главное – не дрогнуть первому.

– А вы не боитесь, что после вашего визита я стану продвигать свою книгу везде, где только могу, Борис? – спросил я.

– За что вы будете её продвигать, Олександр? – Борис назвал меня через «о». От этого веяло неуважением.

– Я найду, – ответил я. – Нашел же, за что издать.

– Бросьте, Стецкий. Ваш проект на канале ТВ3 закрыт на два месяца с неизвестной перспективой. Ваши статьи в журналы теперь берут всего по два доллара за тысячу знаков. И это даже не оттого, что вы плохи. В стране сейчас просто нет денег. Даже интервью, за которые вы раньше получали двадцатку, теперь считают по восемь баксов.

Шепетинский наклонился ко мне и сказал:

– Что вы валяете дурака, Саша? Подпишите документы, возьмите десять тысяч и будьте счастливы. Хотя бы ненадолго.

Осведомлённость Шепетинского о моих гонорарах меня очень удивила. Но я решил на это не отвлекаться.

– Я могу раздать те четыреста экземпляров, что у меня есть сейчас! – в запале сказал я.

Борис, взяв чемоданчик за ручку, поднялся.

– Вот видите, Стецкий. Вы уже прямо сейчас начинае-

те шантажировать меня. Нехорошо. Некрасиво, Александр Николаевич. Конечно, раздавайте ваши четыреста экземпляров, кто же лучше вас раздаст?

Шепетинский прошел мимо меня и вышел в прихожую. Из прихожей он сказал:

– У вас есть ложечка?

– Не понял? – не понял я.

– Ну ложечка, – сказал Шепетинский. – Обуться.

Чёрт, неужели он действительно так и уйдёт. Я тоже вышел в коридор и подал Борису ложечку.

– Одно колено не гнётся, – с улыбкой пояснил он. – Раздавайте свои экземпляры, Саша, десять тысяч – это не деньги, зато порадуете совершенно незнакомых вам людей. Вы же уже всем знакомым по экземпляру подарили?

Шепетинский с улыбкой посмотрел на меня.

А ведь и впрямь уйдёт сейчас. Но я выдержу, нужно держаться до самого последнего момента. В конце концов, у меня есть его визитка, чёрт побери. В конце концов, своё я получу в любом случае. В лифте. Он сдастся в лифте.

Я улыбнулся на прощание Шепетинскому. По-моему, вышло искусственно и криво.

– Маменьке кланяйтесь от меня, – решил пошутить я напоследок.

– Спасибо, но маменька моя в гробу лежит уже лет пять как, – ответил Борис. – Всего хорошего.

Борис повернулся, чтобы уходить, но задержался в две-

рях.

– Чего же вы всё-таки хотите, Александр Николаевич? – вдруг спросил он. – Неужели и впрямь денег?

Я облегчённо выдохнул про себя. Похоже было на то, что я выиграл.

– Денег, денег, – сказал я. – Если уж продавать с потрохами всё. Без остатка.

Шепетинский смотрел на меня и ничего не говорил. Я на секунду задумался, какое продолжение должно быть у разговора. И тут меня прорвало.

– Вы знаете, Шепетинский, нет, – сказал я. – Хочу я, допустим, писательского признания, славы, интервью и вручения мне премий. И дрожащим голосом произносить слова благодарности на вручении этих премий. Я хочу, чтобы меня носили на руках, пусть хоть немножечко, за то, что вот я – умный и образованный человек, который мог сделать карьеру или уж, во всяком случае, построить какой-никакой бизнес, стою сейчас перед вами в рванье, в кармане у меня денег ровно на следующий месяц интернета, и даже что я буду жрать на следующей неделе, я толком не знаю!

Шепетинский разозлил меня.

– А знаете отчего, Борис? – спросил я. – Потому что всё, всё что у меня было в жизни, я сменял на то, чтобы доказать, чтобы показать человечеству, что Маяки все-таки существуют, понимаете, Борис?! Всё сменял, всё отдал! Жену, сытую размеренную жизнь, возможность не думать о том, чем пла-

тить за квартиру на следующей неделе и что купить на обед сегодня – ливерной колбасы или плавленый сырок!

– И? – сказал Шепетинский.

– И тут приходите вы, суёте мне эти десять тысяч долларов и говорите, чтобы я плюнул и забыл. Растёр. Десять лет своей прошлой жизни растёр и купил себе за эту десятку немножко времени будущего! Непонятно, зачем! Мне непонятно, зачем мне это будущее время теперь? Да, вы пришли ко мне в очень подходящий момент, да, я уже не верил, что вообще что-то такое открыл, и что открытие это хоть чего-нибудь да стоит! Но смотрите, как всё интересно, Борис: вы пришли с этим предложением, и я понял – а ведь стоит, видимо, стоит! И тут – бац! – отдай! За небольшие деньги – отдай! Да не отдам, раз стоит, нет! Или отдам – но очень дорого. Я ясно излагаю свои мысли, Борис?

– Ясно. Понятно. Чего же неясного, – Шепетинский суетно осмотрелся, как оглядываются люди, чтобы ничего не забыть, протянул ещё раз мне свою руку на прощание и сказал:

– В общем, надеюсь, что я тоже ясно изложил свои. Мысли. На этой неделе – десять тысяч. На следующей – девять с половиной. Ещё через неделю – девять. И так далее. Всего хорошего.

Человечек открыл дверь и прошёл на площадку перед лифтами. Я его не видел, но слышал, как открылись двери лифта. А потом закрылись.

На этаже стало тихо. Тихо-тихо.

Так, как будто и не было никакого Бориса Шепетинского. Не существовало в природе никогда.

6.

Здесь, наверное, стоит вернуться к тому, что из себя представляет моя жизнь.

Во-первых, это любопытно, а во-вторых, это имеет непосредственное отношение к концепции Маяков, которую я придумал.

Кроме того, что я уже о себе рассказал, хочется ещё добавить, что я – алкоголик и мистик.

И если то, что я алкоголик, не является ни ценностью, ни каким-то особенным фактом биографии* (у нас полстраны алкоголиков), то на том, что я мистик, можно остановиться поподробнее.

Если для того, чтобы называться мистиком, нужны хоть какие-то основания, то извольте.

Я прочитал десяток книг Бхагван Шри Раджниша Ошо, одну книгу – Мингьюра Ринпоче (после этой книги я стал немного буддистом) и всего Пелевина. Также я скурил несколько стаканов травы в поисках ответов на мои мистические вопросы и занимался йогой под названием «Пять Тибетцев». Йога эта больше напоминала зарядку в стиле «утренняя гимнастика», но имела твёрдую йогическую базу на сорока страницах.

В своём стремлении стать мистиком я также залазил в ванну с холодной водой, просил выключить мне свет и пел «Аум»**.

Ещё я практиковал так называемую динамическую медитацию. Динамическая медитация представляет собой специальную музыку, под которую нужно танцевать не так, чтобы уметь. В своём танце можно вытворять всё, что угодно. К чему лежит душа. То есть, вообще всё.

Ещё из моей подготовки мистика можно выделить то, что однажды я решился прыгнуть с парашютом, учился читать по линиям рук, занимался холотропным дыханием, практиковал осознанные сновидения, выучился говорить на «тарбарском языке», а также наладил собственную систему «солнечное число/лунное число».

Было ещё по мелочи: я заворачивался в мокрую простыню на балконе, ходил целый божий день с завязанными чёрной тряпкой глазами, несколько ночей подряд не спал.

Также я овладел умением пребывать совсем-пресовсем без мыслей. В этом искусстве я достиг отметки в семь секунд. По-моему, это почти то же самое, что не дышать, только сложнее. Кстати, одновременно не дышать и существовать без мыслей, отчего-то получалось лучше всего.

Итак, когда вы теперь знаете обо мне почти всё, вернёмся к Шепетинскому, Маякам и моим действительно незавидным в последнее время заработкам.

Дела шли неважно.

Нет.

Дела шли вообще хреново. Последние полгода я перебивался случайными заработками вроде написания статей для интернет-ресурсов, писал случайные сценарии и даже несколько раз поучаствовал в массовке (десять долларов за явление). И хотя после написания статей я стал называть себя «колумнистом», после сценария для промо-ролика в «World of the Tanks» у меня появилась новая строчка в резюме, а после того, как я обманул одного доброго старичка, я стал считать, что у меня есть опыт написания полнометражного детского фильма, деньги заканчивались.

В перспективе маячила голодная смерть.

Я, естественно, очень рассчитывал на свои сто килограмм, но всё равно, засыпая, порой вспоминал пелевинский рассказ про доктора, который сам себя съел на острове. Не помню, как он называется, но в нём сначала доктор отъел себе ногу, потом – вторую ногу, потом перешёл к ушам, и так далее. Хороший рассказ. Воодушевляющий.

В общем, над предложением Шепетинского следовало ещё хорошенько подумать.

7.

На следующий день мы встречались с мамой на кладбище – пришло время убрать могилу и покрасить ограду.

Во время этого увлекательного занятия раздался телефон-

ный звонок.

Это был Димитров. Человек, который издавал в своё время мою книгу.

– Алло, – сказал я.

– Привет, – сказал Димитров.

Недавно я звонил Димитрову по своим делам.

– Да, привет. Слуш, я чего звонил, – сказал я. – Я тут снимаю мультипликацию по книге, что ты издавал, помнишь?

– Помню, – ответил Димитров.

Я стал долго и нудно объяснять Димитрову, чего я от него хочу. Даже по его молчанию я слышал, что ему это совершенно неинтересно. Как человек воспитанный, он просто ждал, пока я закончу.

– Ну, ясно, – очень определённо ответил он на мои сообщения. – Слушай, Саша. А как у тебя сейчас с работой?

Моя ушная раковина стала такой большой, что я взял покрепче телефон, в опасении, как бы он туда не упал.

– Ну так, – я решил немного поиграть в человека при деле и деньгах. – А что, есть, что предложить?

– Да, есть. Я тут книжный магазин открываю в Троицком предместье. В этот книжный мне нужен директор.

Это было внезапно.

От этой внезапности я растерялся. Потом взял себя в руки и договорился встретиться с Димитровым по этому вопросу на следующий день.

Потом я положил трубку.

– Кто это? – спросила мама.

– Да так. Один, – я в задумчивости смотрел на половину выкрашенной ограды могилы родственника.

– Что, работу предлагают?

– Тебе-то что, – отбивался я.

Мама обиженно замолчала. Мы закончили работу.

– Ну что, пошли? – спросил я.

– Ну пошли, – ответила мама.

Мы собрали мусор в пакет, рабочее шмотьё – в сумку и пошли.

По дороге мама всё-таки стала лезть под кожу и выяснять, что мне такое предлагают. Я сначала пытался отползти от ответов, потом плюнул и рассказал, что знал.

У Змитера Димитрова было своё издательство, уже лет семь. При этом издательстве в прошлом году он открыл свой книжный магазин на улице Волгоградской. Магазин проработал четыре месяца, после чего закрылся по неясным пока для меня причинам. Фигура самого Димитрова у меня вопросов почти не вызывала. Если коротко, описывалась она так: поэт, художник, националист, оппозиционер. Со всем тем, что к этому прилагается.

– В общем, завтра встретимся, и увижу всё на месте. И книжный. И что предлагает, – завершил свой рассказ я.

– О, четверка, – сказала бодрая моя мама, вслед проплывающему мимо автобусу. – Ну что, догоним?

Я подивился её неумоимости, вздохнул о своих 100 ки-

лограммах и сказал:

– Побежали.

8.

В книжном магазине, куда я был взят директором, книжного магазина ещё не было.

Было пока только 82 метра пространства на первом этаже в одном из самых престижных районов города, Троицком предместье. В этом пространстве оставалось придумать полки под книги, потом сделать полки под книги, а после завести на эти полки сами книги.

Деньги мне обещались совсем небольшие, но, во-первых, в моём бедственном положении даже те 200 долларов, что обещались, выглядели очень милыми, во-вторых, было очень любопытно почувствовать себя директором книжного магазина*.

После встречи с Димитровым, на которой предварительно договорились о том, что я буду директором, последовала встреча с дизайнером.

Бородатый, тощий и какой-то весь насквозь трагичный дизайнер Денис опоздал на встречу на час. Оправдываться он нужным не счёл, чем сразу стал мне очень симпатичен. Мы начали что-то обсуждать. Директор книжного я был молодой и горячий и в конце концов трагичный дизайнер мне сказал:

– Ну не нравится – возьми и сделай тогда сам.

Если бы я и Димитров знали тогда, как впоследствии повернутся события, мы бы оба заорали тогда: «Стоп! Денис! Спасибо! Всё, давай, до свидания! Окей! Мы сделаем все сами!»

Но Димитров решил все разрулить миром.

– Так, ребята, давайте без напряжения. Инвесторы действительно запретили картонную мебель, так что нужно придумывать другое решение.

Денис надул губки, но другое решение всё-таки стал изобретать.

Метания и терзания по поводу нового решения дизайнера Дениса заняли недели полторы. Между тем, инвесторы жёстко обозначили дату открытия: первое декабря. Оставалось меньше двух недель.

Когда я видел, как медленно, как неспешно, с заламыванием рук и закатыванием глаз, работал над оформлением нашего книжного магазина дизайнер Денис, моя симпатия к нему постепенно переходила в любовь. Пылкую, трепетную.

Когда Денис, наконец, спроектировал стеллажи они с Димитровым поехали заказывать распил. Надо ли говорить, что Денис четыре часа прямо на лесопилке дописывал свой проект? Потом распил привезли. Надо ли говорить, что Денис дописал проект неверно, и пришлось гнать ещё одну машину

с дополнительным заказом?

И так далее, и так далее.

А потом, 28 ноября, началось прекрасное. Всем было ясно, что собрать дрова, которые нам привезли, расставить на них книги, разгрести мусор (или хотя бы просто замести его под ковер) и впускать людей на открытие в срок мы не успеем.

Холодным ноябрьским утром Денис подошел к Димитрову и сказал:

– До первого мы не успеем.

– Почему? – спросил Змитер.

– Времени мало, – по-моему это был гениальный ответ нашего трагического дизайнера.

– Ну найми кого-нибудь, – сказал наш глава. – Помощников.

– Так им платить надо.

– Заплатим, – сказал Димитров туманно.

Всего только одно слово. Не устаю удивляться, как одно только туманное слово впоследствии вносит столько неразберихи в происходящее.

Но первого мы всё-таки открылись. Все эти люди, которых нанял Денис, ночевали и дневали в будущем книжном, они спали по три часа, они ели там же, но мы открылись. С собранными стеллажами и книгами на этих стеллажах, с убранным залом, даже с музыкой и вступительным перформансом, в ходе которого человеку с бумажной головой бензопилой

отпиливали ненужные части тела. Я, как директор магазина, наблюдал за этим буйством, которое происходило на крыльце здания, и переживал, что, если перформанс продлится ещё минут десять, моя карьера директора обязательно оборвётся. Но, к моему удивлению, обошлось.

На следующий день я познакомился с нашими продавцами, которых было четыре. Один мальчик, девочка, девочка и ещё девочка. Девочки меня, нужно сказать, разочаровали. Не как продавщицы, а как девочки. Я, разочарованный, проводил с ними обсуждение наших планов на жизнь, расставлял приоритеты и составлял график работы, когда дверь в книжный открылась и женский голос за моей спиной сказал:

– Добрый день. Я могу увидеть Димитрова?

Я обернулся.

На пороге моего книжного магазина стояла Она.

9.

Не знаю, как организмы других алкоголиков, но мой время от времени у меня требует отдыха от алкоголя.

Такой отдых я ему, естественно, предоставляю. Что-то вроде заслуженного отпуска. Примерно на месяц я бросаю пить всякий алкоголь, который крепче кефира или кваса. Сейчас как раз заканчивался такой месяц.

Именно поэтому я теперь ехал к одному своему доброму

знакомому – Дмитрию Валентиновичу. Повод был веский – мы давно не виделись.

– Биссмилляхаллахумакбар, – сказал я, входя к ДэВэ.

– И вам. Не хворать, – сдержанно ответил ДэВэ, протягивая руку.

– Как дела на Плюке?

– Так вроде и ничего, – ответил ДэВэ. – Пацаки вот только опять чатланам на голову сели.

Мы прошли на кухню, налили коньяка, выпили, закусили. Поговорили, снова выпили, снова закусили и я решил, что пора. Достал торбу своей души, перевернул её над нашим столом и начал трясти. Сначала оттуда выкатилась корона директора книжного. Я протянул корону Дмитрию Валентиновичу и попросил дать экспертную оценку. ДэВэ корону не взял. Сказал, что в коронах разбирается плохо.

Потом я потряс торбу снова, и из неё выкатился договор, который мне предложил подписать Шепетинский. Про Маяки ДэВэ знал прекрасно, потому говорить на эту тему с ним было легко и приятно.

– Десять тысяч долларов? – переспросил ДэВэ.

Я посмотрел на часы и ответил:

– Уже девять пятьсот. Ещё через неделю будет девять.

И так далее.

ДэВэ удивлённо поднял брови.

– А что вам мешает продать? Десять тысяч за книгу – это очень неплохой гонорар, я считаю.

– Я, ДэВэ, считаю именно так же. Проблема только в том... Проблема только в том, что они хотят, чтобы больше я про Маяки никогда, нигде и ничего не писал.

– Да? Как интересно... – сказал ДэВэ. – Ну придумаете ещё что-то. Какой-то другой концепт. Вы же крупный и современный, в конце концов.

– Тут понимаете, в чём штука, ДэВэ. Придумать-то в своей жизни я может быть что-то и придумаю. Но вы понимаете, всё это как-то загадочно и таинственно. Если они хотят заткнуть мне рот... Значит что-то с Маяками я угадал. Даже скорее всего... Угадал почти всё.

– Ну допустим, – сказал Дмитрий Валентинович. – Угадали. И что?

– Ну ДэВэ. Как же – «что?», – ничуть не смутившись, сказал я. – Такие открытия... Они делаются очень редко.

– Ну идите в Академию наук, – сказал мой друг. – Патентуйте своё открытие, чего вы сидите?

– Ай, ну бросьте.

– Вы своё открытие года четыре назад сделали? – спросил Дима.

– Пять, – ответил я.

– Пять лет. Пять лет ваше открытие никому не было нужно, даже в виде книги... И ещё пятьдесят лет не нужно будет. А вы так и будете ходить в рваньё. И не знать, чем оплатить коммунальные услуги.

– Думаете?

– Думаю... – сказал Дмитрий Валентинович. – Езвините.

– Так что же, – я посмотрел на ДЭВэ. – Взять деньги – и забыть про Маяки?

– Ну дело ваше, конечно. Можете не брать, и не забывать. Можете взять и не забывать. Память – это дело такое...

– Понимаете, ДЭВэ, в чем здесь ещё штука... Я понять не могу – почему? Почему они не хотят, чтобы эта идея была общедоступной. Чего они боятся? Что прячут?

– Ай, Александр Николаевич. Здесь с десятков вариантов. Парочку я могу вам назвать сразу. Только зачем вам это? Ну прячут и прячут. И готовы платить за это деньги.

– Как зачем? Это же важно. Откуда взялась эта организация? С огромными, как я понял, финансовыми возможностями. Которой есть дело до моих Маяков. Не понимаю.

– Охота вам всё понимать, Александр Николаевич. Ну, давайте предположим так. Это люди, которые спекулируют на изобретениях тех, кто строит свой Маяк. Ну и зачем им вы со своей книгой?

– Ну я никак не могу понять, что они продают. Как вынимают деньги из этого... концепта – сказал я.

ДЭВэ помолчал, размышляя.

– Смотрите. Допустим вы – человек носитель Маяка.

– Легко, – тут же согласился я.

– И у КБО есть дата вашего следующего рождения.

– Можно допустить и это, – не стал я перечить ДЭВэ. – Но КБО мне не может её продать, эту дату. Если есть дока-

зательства, что я появлюсь в следующий раз, то и слава богу. Сообщили – и славненько, спасибо за информацию, могу вас угостить шампанским, это хорошие новости, есть за что выпить. Но зачем мне эти данные покупать?

– Затем, – медленно сказал Дмитрий Валентинович, – Что в этой жизни вам, скажем, повезло. Вы родились в подходящем месте, получили сносное образование. А вот в следующий раз вы вполне себе возможно родитесь в Камбодже, пятым ребенком в семье, которая занимается сбором чая и вам кроме сбора чая в этой вашей жизни больше ничего не светит. Мы вам предлагаем спокойно, Александр Николаевич, без рисков, мmmm «подхватить» вас там, в будущем, опекать и оберегать. Но за все это нужно заплатить сейчас.

Дмитрий Валентинович, кажется, вдохновился игрой. Он сейчас был КБО. Я – человеком, носителем Маяка.

– Организация мы солидная, – надул щеки Дмитрий Валентинович. – Нам восемьсот лет, в порфолио у нас как Иоган Себастьян, Тесла, Менделеев, Толстой, да вот сам и можете почитать список.

ДэВэ пододвинул мне воображаемый список.

– А самое главное, Стецкий, знаете, что?

– Что? – спросил я заинтересованно.

– А самое главное, там, когда вы родитесь в 2100 году мы вам снова обязательно сообщим, как *работает* мироздание, понимаете Стецкий? Мы вам расскажем, что для того, чтобы получить ещё одну жизнь человеком, нужно обязательно

стать Маяком в этой жизни, Стецкий, вы понимаете, чего это стоит?

Тут я понял. Действительно, если я, к примеру, рожусь в 2100 году, откуда же мне знать, что есть Маяки. А тут – вот. Подскажут.

– Ну и... И конечно же, Стецкий, – Дмитрий Валентинович покатал фисташку в пустой тарелке, потом поднял её и бросил снова в тарелку. – Мы будем вам всячески помогать.

– Помогать в чем? – спросил я.

– Помогать вам возвести ваш следующий Маяк, Александр Николаевич, – сказал ДэВэ. – Ну что. Берете?

ДэВэ откинулся на спинку стула и посмотрел на меня выжидательно.

– Хорошая вещь, – пробормотал я. – Надо брать.

Дмитрий Валентинович просто сразил меня своей способностью соображать.

– Наверно приблизительно так и обстоит дело, – сказал я. – Не знаю, что и думать.

– Да просто возьмите деньги и не думайте ни о чём, – ответил ДэВэ. – Далась вам эта концепция. Крупный и современный писатель обязан, в конце концов, придумать за жизнь хотя бы несколько глобальных идей!

– Обязан, – подтвердил я.

– Так вот – возьмите деньги. А потом сидите и думайте. В тепле и уюте. И с определёнными планами минимум

на год. Считайте, что на вашу книгу покупают права. Что здесь такого?

ДэВэ сделал паузу. Потом продолжил.

– В Брюгге, наконец, вместе съездим.

– Да?

– Да. Ну или не в Брюгге. Куда вам там милее. В Амстердам?

– Всего милее мне город Пхеньян, – сказал я в задумчивости. – Он мне по ночам снился. Маленькому.

– Не, в Северную Корею я не поеду.

Дмитрий Валентинович с большим подозрением относился к неблагополучным странам.

– Ну давайте хотя бы тогда уж в Сеул, – предложил он.

– Сеул мне не снился, – в какой-то печали ответил я.

Затем мы отвлеклись и поговорили о чем-то ещё.

А потом я одолжил у ДэВэ денег, сел в такси и уехал.

Почему бы и не одолжить.

А не ехать в такси за счёт ДэВэ, как это бывало раньше.

В конце концов девять с половиной тысяч долларов – хорошие деньги.

Я ехал с своём такси, дремал и неожиданно подумал о том, что КБО – это вообще может быть такой какой-то банк. Куда в этой жизни можно деньги сдать, а в следующей получить.

С этой мыслью я и уснул.

Когда мы говорим «рыжая», каждый представляет себе что-то своё. Мне кажется, с блондинками или брюнетками ситуация какая-то более – менее ясная – стереотип модельной внешности обязательно всплывёт и скажет, что вот это – блондинка. А вот это вот – брюнетка.

С «рыжими» всё по-другому. Мне мерещится, что это связано с детством. Как-то в детстве рыжих выделяли отдельно от остальных.

Девушка, которая застыла на пороге нашего магазина, была именно «рыжей».

Девушку звали Дашей, фамилия ей была Веснина, девушка закончила Политехническую академию в том же году, что и я, и 15 лет назад я был в эту девушку безумно влюблён.

Влюблён – это когда кто-то приделывает тебе сзади крылья, и ты умеешь и можешь всё. И никого и ничего не боишься, и становишься больше, значительнее, умнее и сильнее, нежнее и энергичнее, стройнее, остроумнее и ещё чёрти сколько «какое».

Медики говорят о какой-то биохимии мозга и гормональном выбросе, мистики говорят, что это очень скоро пройдёт, я не верю ни первым, ни вторым. Я просто знаю, что это и есть то затёртое, из школьных записок, слово «любовь». Сколько уже это слово пели на все лады, вплетали в стихи, строили вокруг этого слова романы, повести и эпосы, опошляли и совали неуместно, чтобы заткнуть какие-то щели, ко-

го-то купить или продать, над этим словом смеялись, за это слово горели на кострах, этому слову выкалывали глаза и вырывали ноздри, но нет, смотри ты. Сменяются поколения, а слово остаётся, вся грязь с него сползает сама собой, и ничего, снова и снова его используют и вкладывают в это слово что-то огромное.

У Хемингуэя это – «а земля плыла?», у Веллера это – письмо «чуча-муча, пегий ослик», у Розенбаума это – «и голос хрипел, и не попадал в мотив», для меня это – «летать». Для меня это – письмо*, которое я однажды написал Даше, но так ей никогда и не отправил.

Так вот, я не верю ни врачам, ни мистикам хотя бы потому, что она стояла здесь в дверях книжного, а у меня ничего не прошло. Хотя бы потому, что после Весниной у меня был с десятков девушек, одно время даже была жена, но ничего подобного я не переживал даже близко.

Хотя бы потому, что, если однажды посчастливилось где-то внутри прожить это слово «любовь», все остальные отношения кажутся блёклыми и ненужными, финансово обоснованными и обоюдодовыгодными.

Я понимаю в этом месте «тяжёлых» – тех, которые запускаются по вене, наркоманов – когда они говорят о серости и ненужности дней без наркотиков.

Точно также любые отношения очень мало нужны, если ты знаешь, как было по-настоящему.

И да, после Весниной я понял: я вообще не хочу, чтобы меня

любил кто-то.

Я хочу переживать это сам.

– Добрый день, – сказала Веснина. – Я могу увидеть Змитера Димитрова?

Я смотрел на Дашу, продавцы смотрели на меня. Потому что может или не может человек видеть Димитрова, знал только я, директор магазина. Я глупо посмотрел на подчинённых, потом немного пришел в себя и снова повернулся к Весниной. Она никуда не пропала.

– Можете, – сказал я. – Только не сейчас.

Веснина меня не узнала. Или сделала вид, что не узнала. Хотя за пятнадцать лет я наверняка изменился. В институте я весил шестьдесят килограмм, сейчас – сто. Ряха, фигура, щетина, манера одеваться и говорить – всё это сильно поменялось за пятнадцать лет. Ещё на лице у меня был теперь ожог после одного неудачного эксперимента. Запросто могла и не узнать.

– А когда? – спросила Даша.

– Вы знаете, – я уже вполне владел собой, – это не такой простой вопрос. Обещал он через полчаса. Но я бы не доверял.

– Интересно. Мне он обещал прямо вот сейчас. Хорошо, я ему сама позвоню.

Веснина достала телефон и вышла на уже выставшую декабрьскую улицу.

Дверь за ней закрылась.

Или узнала? Сердце, после того как увидело Веснину, стучалось ко мне из груди и напоминало: смотри, Саша. У тебя есть, есть сердце. Я повернулся к продавцам и стал вспоминать, о чём мы говорили:

– На чём мы там...

– На графике.

– Да, – я задумался. – Итак, меня, в целом, мало интересует, как вы будете друг друга подменять, у кого сессия, и кому каникулы. Меня интересует, чтобы кто-то был в смену с 10 до 16. И в смену с 16 до 22.

Строго говоря, меня и этот вопрос сейчас вообще несколько не интересовал. Меня интересовало, что сейчас делает на улице Даша Веснина. Зачем она приходила? Вернётся ли? Господи, какой я идиот. Даже не выяснил, что ей нужно было от Димитрова.

Я увидел Дашу Веснину в первый раз в институте, в «точной» аудитории. Я даже помню предмет, который нам тогда читали, я помню горбоносого маленького профессора в очках, я помню, где сидела она, а где я. Я даже помню, какой по счёту это была пара.

Я увидел её и сразу пропал. А она, повернувшись, о чем-то говорила с одноклассницей, увидела мой взгляд, взяла и подмигнула мне. Кажется, я тогда упал в обморок. Потом, кажется, я встал, поднял на руках весь первый корпус Белорусской государственной политехнической академии и сказал: смотри! Смотри, что я сейчас могу! Потом положил этот

корпус, которые весит 822 тысячи тонн, на землю, сел на место и сказал себе: «Она будет моя».

Потом я каждую неделю с нетерпением ждал этой «поточной» лекции – наши группы пересекались только на ней, только в той аудитории на втором этаже восьмого корпуса – и несмело, робко, как никогда больше после ни на одну девушку не смотрел, смотрел на Веснину. Просто любовался ею. Вот это вот «она будет моя» я уже забыл, не нужна она была мне моей, мне хватало просто смотреть, издали, редко, ожидая этой минуты, как ожидает «тяжёлый» наркоман новой дозы.

Но также, как это бывает с наркоманами, дозу нужно было увеличивать. Я изучил расписание группы 104216, где она училась, я ходил к аудиториям, где сейчас у неё были пары, и смотрел.

Она всё видела, однажды не выдержала, подошла ко мне и сказала:

– Мой телефон 80293777893. Позвони.

И так же просто, как подошла, исчезла.

Я стоял, потрясённый, ничего, конечно же, не записал, а просто выжег паяльником эти цифры у себя на запястье.

Потом я позвонил, в полуобморочном состоянии говорил какие-то глупости, что – не помню.

Потом как-то позвонила она. И сказала:

– Будем сегодня гулять.

Мы гуляли по территории медицинского института, неда-

леко от которого я жил; удивительно, но я из той прогулки тоже ничего не помню, это был какой-то морок, небывальщина, чертовщина.

Потом она поехала домой, на прощание поцеловав меня в губы.

А ещё потом, я её напоил и изнасиловал.

* А помнишь, я просил тебя подарить мне крылья?

Ты должна помнить, обязательно должна, я всё понимаю – про десятки поклонников и сотни имён, я понимаю даже больше, чем всё, но ты должна помнить, обязательно.

Ты пообещала тогда.

Что отдашь мне свои.

Когда отрастут.

Знаешь, я не смогу их взять.

Я просто помню, как пытался неоднократно примерять чужие – не подходят.

Не знаю, в чём дело – может быть, дело в группах крови и отторжении тканей, может, в несовместимости версий, может быть, в размере, не знаю.

Не держат.

А я хочу летать. И умел, и знал как, и даже ещё не забыл, хотя вспоминаю сейчас очень редко и нужен случай, знаешь, какой то особенный случай, таких сейчас делают очень редко, и непонятно когда его ждать – календарь красный от праздников, а случаев в нём не пишут, я искал, я знаю

о чём говорю, я делил его на знаки зодиака и расчерчивал на года, ничего не выходило.

Я прошу тебя ещё раз – подари мне крылья.

Подари мне мои.

Знаешь, это какая-то ошибка Бога, может быть, даже не ошибка, может быть, сознательный обман, когда кажется, что нашёл себя в тебе, ведь ищешь всегда не тебя, постоянно ищешь себя, и находя фрагменты, срочно бежишь искать крылья.

Иногда даже получается найти.

Но никогда не дарили.

Подари мне мои.

Я, конечно же, не помню, где оставил их, но я знаю наверняка – я не поломал их и не сжёг, не заложил и не пропил, это совершенно наверняка, тебе будет очень сложно, но такие вещи и не должны быть легки, ты спрашиваешь, зачем же тебе это вообще нужно – я отвечаю.

Потому что, если ты мне подаришь мои, я буду должен.

И ты наверняка понимаешь – что.

11.

Троицкое предместье города Минска имеет существенное отличие от других центральных районов города Минска.

Отличие это заключается в том, что в Троицком предместье меньше гостей и жителей столицы. Сильно меньше. Кар-

динально меньше.

Место это тихое, в нём располагаются антикварные лавки, художественные галереи, магазинчики сувениров, рестораны с приглушённой музыкой и кафе. Жителей практически нет, почти все здания – памятники и историческая ценность города. Квартиры, которые остались в двух-трехэтажных зданиях предместья, почти все выкупили россияне с громкими фамилиями. Эти квартиры либо сдаются в аренду, либо вовсе стоят пустующими, по ночам слепо глядя провалами своих окон на самую старую часть Минска.

Место, кстати, так и называется – Старый город.

Открывать книжный магазин в наше тяжёлое время – вообще дело странноватое. Открывать книжный магазин в таком месте, с соответствующей месту арендой – чистое безумие. Но меня это поначалу волновало мало, моё дело было директорское: наполнить магазин ассортиментом, руководить продавцами, обеспечивать необходимую документацию. Ну и было сказано, что деньги на аренду дают некие неведомые мне инвесторы, и такое положение вещей должно сохраниться ещё четыре месяца совершенно точно. Националисты хотят возрождения белорусского языка, культуры и самосознания, объяснил себе всё тогда я. Их право. Кто платит девушку, тот её и танцует.

Те же неведомые инвесторы финансировали превращение в книжный магазин пространства с розовыми стенами на первом этаже.

После того, как мы открылись и проработали два дня, ко мне пришел растерянный, если не сказать, напуганный Димитров и показал какие-то листки.

– Смотри, что мне выставил за свою работу Денис, – сказал Димитров.

Я без особого интереса посмотрел на исчерканную ручкой бумагу. Какой счёт выставил дизайнер Денис, меня интересовало мало. Не я договаривался, не мне выполняли работу, не я рассчитываюсь. Но цифры действительно были какими-то несуразными.

– Он что, дурак? – спросил я.

– Ну так, выходит, – ответил Димитров.

– Шли его нахрен. Полтораха за дизайн? – ткнул я в листок и огляделся по сторонам. Сбоку я увидел ячеистую структуру книжных полок, незанавешенные окна и кофе-машину. Сверху был обычный потолок. Снизу – плитка пола. – Где здесь дизайн? И полтораха за него?

– Вот и я не вижу – где, – сказал Димитров.

– А за работу, – продолжил я свой доклад по предоставленному счёту, – я не знаю, о чём вы там договаривались. Я ж не мебельщик.

– Мне тоже кажется, что это какой-то треш: «Итого: две тысячи двести»...

– За неделю работы по сборке мебели два косаря?

– Он говорит, что они же вчетвером работали, – Димитров был печален.

– Тебе какая разница, всколькоиром? А если б он десять человек позвал на сборку, ты бы пятёху ему отдал?

– Нет. Не отдал бы.

– Ну так и придерживайтесь того, о чём говорили на берегу. В самом начале о чём договаривались.

Димитров горестно вздохнул.

– Ни о чём не договаривались. Я же не думал, что у Дениса в голове вот это вот...

– Ооо, – протянул я. – Если ни о чём не договаривались – это худо. С одной стороны. С другой – вообще можешь ему ничего не платить. Раз у вас такая вот любовь взаимная. Без обязательств.

– Нет, ну совсем ничего не платить нельзя, – сказал Димитров.

Помолчали.

– Я не знаю даже, что тебе тут и советовать. У тебя же с ним отношения. А не у меня. Спроси у инвесторов. Может быть, они захотят рассчитаться по этому счёту.

– Не захотят, – Димитров, казалось, сейчас растает от горя, оползёт зимним сугробом на пол и станет лужей.

– Я даже спрашивать не буду, – добавил он.

Помолчали опять.

– Ну зови его на разговор, что остаётся. А сколько дадут, ты хотя бы имеешь представление?

Димитров, как глава нашей концессии, сильно пошатнулся в моих глазах.

– Уже дали. 1200 евро.

– За всё – и дизаен, и работа?

– Да.

– Немножечко разошлись, – в задумчивости сказал я. – Зови, что ещё остаётся-то?

12.

Разговор с дизайнером Денисом получился ожидаемо тяжёлым. Денис, который понимал уже, что кручёный пас, пущенный им Димитрову, скорее всего, не пройдёт, сидел, набычившись. Это выглядело несколько смешно: тощий, под два метра ростом, в непрременной дизайнерской бороде, с большими дизайнерскими глазами, Денис сейчас хотел быть похожим на Сильвестра Сталлоне в его лучшие годы. Встреча происходила в кафе, а не в самом книжном. Чтобы не травмировать психику продавцов и бухгалтеров.

– Мы работали вчетвером, – как можно более мужественно сказал Денис. – Ты обещал рассчитаться. Так?

– Ну так, – ответил Димитров. – Но я-то думал, что я тебе отдам твой гонорар, а ты уже считаешься с этого гонорара с людьми.

– 1200 евро за всё? – спросил Денис. – Это – твой гонорар?

– Это – *твой* гонорар, – сказал Димитров.

– За проект дизайна? И за работу по сборке?

Дальше следовал скучный понос на полтора часа обсуж-

дений. Мы все втроём знали, что проекта никакого, по сути, не было. Но Денис пучил глаза и пытался убедить сначала себя, а потом нас, что проект был.

Было тягостно слушать, но я старался не перебивать.

Затем я высказался в том смысле, что бы мы сейчас не слышали, больше, чем 1200 евро Денис за свою работу не получит.

Денис, не торопясь, откинулся на спинку стула. Я испытывал к Денису чувство любви, я писал об этом. Но сейчас было совершенно очевидно – моё чувство было совсем безответным. Трагичный дизайнер меня не любил.

Денис немного подумал.

– Давайте деньги, – сказал он.

Тут слово взял Димитров.

– Денис, если у нас так всё складывается... Нам бы расписку тогда...

– Хорошо, пошли.

Мне очень не понравился ни тон Дениса, ни его решительность. Было совершенно ясно, что после расчёта обязательно будет продолжение истории.

Мы вернулись в книжный, Денис написал расписку и с нехорошей улыбкой протянул её Димитрову. Когда Зми-тер протянул руку, чтобы её взять, рот Дениса из улыбки искривился в гримасу, он задрал руку с распиской вверх на весь свой двухметровый рост и сказал:

– Сначала деньги.

Димитров достал из внутреннего кармана деньги, протянул, не считая, Денису.

Денис, так же, не считая, принял деньги и отпустил расписку с больше чем двухметровой высоты. Расписка красиво закружилась в воздухе, самолётиком отлетела к стеллажам и замерла на полу.

– И что, ты думаешь, что ты прав вот сейчас? – спросил Димитров.

– Я думаю, что не прав ты. Вот с этим, – Денис указал на меня. – И очень скоро я докажу это вам обоим.

– Ты нам угрожаешь, Денис? – спросил я.

Денис ничего не ответил мне. Он только сверху вниз, почти в упор посмотрел на меня взглядом, в котором по-прежнему не было любви. Сложил, не отрываясь от меня, деньги в карман. И пошёл на выход.

– Пока, буратины, – на прощание сказал Денис. – Точнее, до свидания.

13.

В жизни почти каждого человека есть знакомый, который отбывал срок наказания в тюрьме.

У меня тоже такой знакомый был и звали его Павлик. Павлик Фашист.

Мы встретились морозным утром с Павликом около его автосервиса, мне нужно было взять у Паши кое-какой ин-

струмент, сейчас Фашист открывал ворота в гараж. Ворота не открывались.

Павлик подышал на дырку в замке, потом попытался сунуть ключ.

– Не лезет, – Павлик был раздражён. – Внутри растворителя сколько угодно. Пырнул – в два счёта бы разморозилось.

Фашист постучал по воротам.

– Тама. А сейчас чего делать – не представляю.

Павлик отошёл от ворот и в задумчивости потер подбородок.

– А ты разденься по пояс – и прислонись, – дал я совет. – Отогрей.

Павлик оглянулся на меня:

– Дело говоришь, – сказал он. – Только я – директор, не пристало директору голяком на улице стоять. Давай лучше ты, м? Я твои вещи подержу?

– Не, Паулик, – ответил я. – Я теперь тоже директор. Мне тоже не пристало.

– Это чего это ты директор? – Фашист достал из кармана скрепку и стал ею выковыривать лёд из замка.

– Книжного магазина. В Троицком предместье.

– В Троицком, – сказал Павлик, сосредоточено работая скрепкой. – Лавка, поди, какая-нибудь на три квадрата. В Троицком аренда дурная.

– Восемьдесят два, – сказал я.

– Что восемьдесят два?

– Квадрата.

Фашист, у которого ключ, наконец, забрался в нужное отверстие, замер, так и не повернув его.

– Вы идиоты, – немного подумав, сказал он. Затем, наконец, Павлик сделал несколько движений ключом, замок открылся, Павлик толкнул ворота и повернулся ко мне:

– Прошу!

Я вошел в ангар павликовой станции и огляделся. Три подъемника, яма, тумбы «Спутников», в которых слесаря хранят свой инструмент. Не бедно.

Павлик остановился перед тумбой с инструментами, поковырялся, вынул ключи, которые мне были нужны для ремонта и отдал.

– А ты чего сегодня делаешь-то? – внезапно спросил Павлик.

– А что?

– Ну как – «что?» Сегодня четверг.

Я вспомнил, что раньше мы собирались по четвергам в бильярде. Павлик продолжил:

– Такая новость... Такая должность... Пришел бы. Посидел с рабочими.

– А, – понял я. – Ну так, для информации – у меня зарплата 200 баксов пока.

– Зажиточно директора книжных живут, – Фашист пошёл

по «Спутникам» сверять инструмент. Инструмент слесаря «пятели» с завидной регулярностью.

– Не знаю, куда дензнаки складывать, – тут я вспомнил, что уже лет сто, наверно, не играл в бильярд. – Тысячу лет вас всех не видел. А кто сегодня будет-то?

– Валентиныч твой будет. Близнецы. Петя. Приходи. Я ставлю.

«Сколько же они мне ставить-то будут, – подумал я. – До конца жизни, что ли?»

– Не. Так не пойдёт... Разве что в долг. До первой зарплаты.

– Ты же меня знаешь, – сказал Павлик. – В долг – значит, в долг. Я долгов не прощаю.

– И не надо, – меня уже охватило радостное возбуждение. – Во сколько?

– Ну, набери меня, – Павлик задрал голову и близоруко сощурился на часы, что висели над воротами станции. – Ну часа в четыре набери. Добалакаемся окончательно, э?

– Э, – согласился я. – Отчего же не «э».

14.

Тогда, пятнадцать лет назад, в жизни Весниной я значил очень мало. Я плохо представлял себе, сколько у неё поклонников и связей, но для меня было очевидно, что много. Она была вершиной женской красоты, апогеем, совершенством.

То, что она обратила на меня внимание тогда, в институте, было с её стороны каким-то проявлением мягкости и сострадания.

И совсем неудивительно, что через пятнадцать лет после института она меня не узнала. Я ещё немного поцеплялся за то, что, может быть, она просто сделала вид, но обманывать самого себя я не любил и поэтому, когда Веснина появилась ещё раз в книжном и обратилась ко мне на «вы» с той отстранённостью, с которой обращаются к незнакомым людям, я не был удивленнисколько.

– Добрый день, – Даша дежурно улыбнулась. – Димитрова, надо думать, ещё не было?

– Не было, – я чуть было не сказал «Даша», но вовремя одумался. – А большая ли тайна, по какому вы вопросу?

– По вопросу трудоустройства, – ответила она. – А большая ли тайна, кто, собственно, вы?

– Я – ответственный за кофе-машину, – ответил я. – Если вам повезёт устроиться у нас, я буду делать вам кофе.

– Да? – непонятно было, поверила Веснина в это или нет.

– Да.

– Ну я тут у вас погуляю немножко. Должны же мы со Змитером когда-то встретиться.

– Погуляйте, конечно. Кто же лучше вас погуляет, – вставил я оборот Шепетинского.

Веснина улыбнулась мне и пошла осматривать полки с книгами.

Скоро появился Димитров.

Димитров поздоровался с Весниной и прошел через зал книжного в нашу офисную комнату. Даша несмело спросила меня:

– Товарищ меня сам позовёт?

– Вы знаете, товарищ совсем не самодур и не играет в большого начальника. Идите смело.

– Спасибо, – сказала Веснина. Даша подошла к двери, постучала и вошла. Через минуту в дверях появился Змитер:

– А ты чего? – обратился он ко мне. – Девушка на собеседование пришла. В твой книжный. Давай, заходи.

Ну надо – значит, зайду. Хотя, конечно, некоторую растерянность я испытал.

– Ну вот, Саша, – сказал Змитер, – как я тебе и говорил, это наш основной претендент на должность арт-директора.

Димитров из всех подавших анкеты выбирал отчего-то не двух-трёх человек для собеседования, а всегда одного. Мне казалось, из какого-то чувства порядочности. Не подошел человек, можно сказать ему об этом сразу. А не собирать компанию страждущих вакансии и «смотреть всех».

Змитер перешёл к объяснению того, зачем нам нужен «арт». Мне было скучно, я всё это знал, а Веснина в беседу практически не вступала. Когда они перешли в режим диалога, я украдкой стал смотреть на неё. Бывают люди, которые внешне не меняются до определенного возраста совсем или меняются незначительно. Веснина была именно из та-

ких. Всё в ней было именно от той Даши, которую я в конце концов решил пригласить на свой день рождения в профилакторий. Я стал глядеть в окно. Было ли это вообще изнасилованием? Да нет, почти наверняка не было. Наверняка. Обычный пьяный секс, каких у Весниной было до этого случая, судя по её уверенным действиям в ту ночь, миллион. Я незаметно напоил, а потом изнасиловал свою любовь, вот что я сделал. Свой идеал любви, что ли. То, о чём читал книги и смотрел фильмы. В них не было ни слова о том, что человека, которого любишь, нужно поить и трахать. От того поступка мне было гадко и мерзко просто бесчисленное количество раз за эти пятнадцать лет. И в отместку себе я называл это изнасилованием, стегал себя этим словом, унижал себя. И однажды, когда я случайно встретил брата Весниной...

– Так что, Саша? – отвлек меня от окна голос Димитрова. – Тебя устраивает кандидатура Дарьи? Мы принимаем её на работу?

От воспоминаний, и оттого, что вот она сидит, Даша Веснина, у меня всё поплыло перед глазами. Я с трудом понял вопрос. Через паузу я сориентировался и сказал:

– Я обоими руками «за», Змитер. Обеими. Давай её брать.

– Хорошо, – сказал Димитров. – Дарья, давайте я вам покажу наш торговый зал, где вы будете проводить презентации.

Веснина, которая в общей сложности в ожидании посто-

янно опаздывающего Димитрова обошла наш зал по периметру раз шесть, тактично согласилась.

– У вас только белорусская литература? – услышал я голос Весниной за дверью.

– Да, процентов на девяносто. А вы по-белорусски не читаете?

– Читаю, конечно, но мне привычнее русский.

– О, тогда вам могу предложить книгу нашего директора, Александра Николаевича, он как раз пишет на расseyской мове.

– Саша – директор нашего книжного магазина, – продолжал Димитров экскурс в нашу организацию. – Я – директор всего издательского дома.

– А. Понятно. Какая интересная обложка.

Видимо, Димитров всё-таки сунул ей в руки мою книгу.

– Дочь его рисовала.

– Как мило. Я, пожалуй, её куплю, сколько стоит?

«Зачем тебе её покупать, сумасшедшая Веснина. Я дам тебе десять, сто таких книг», – пронеслось у меня в голове.

И тут я отчего-то вспомнил, что Веснина всегда любила хорошие рестораны. Дорогую одежду. Да и разного рода бранзулетки ей всегда были милы.

И что, возможно, лучше дать Весниной не десять и не сто моих книг, а вот это вот всё.

И такая возможность ведь у меня была.

Я услышал звук выходящего кассового чека, Веснина по-

прощалась с Димитровым и ушла из магазина.

15.

На следующее утро меня звонком разбудил редактор одного из сайтов, куда я писал.

Я проснулся после бильярда с Павликом и настроение моё было не важным.

Редактор что-то говорил, я пытался понять, что. Кажется, меня за что —то отчитывали.

Редактору было интересно, отредактировал ли я интервью с Мелеховой.

Я не отредактировал интервью с Мелеховой.

Далее редактору было интересно, готова ли была подборка с лайфхаками.

Подборка с лайфхаками готова не была.

– Саша, вы работать, простите, собираетесь? Я думал вам статью дать о многоженцах, но не дам – вы же мне всё валите!

– Я вам всё валю, – с этим я не спорил. – А вы мне платите по два доллара за тысячу знаков.

– Саша, сейчас такие расценки, сейчас все пишут за эти деньги! У меня в коридоре три человека стоят – за эти деньги писать, однако, так как мы с вами работаем уже полгода...

– Зовите, – перебил я.

– Что? – не понял редактор.

– Зовите этих. Из коридора.

Я повесил трубку.

Дела мои были невеселы. Совсем. Первые деньги в новой роли директора я должен был получить только через полторы недели. А пива хотелось прямо сейчас. А ещё потом захочется есть. А ещё я не помнил уже, сколько месяцев я должен был за электричество и коммунальные услуги.

– А ещё я, кажется, вчера пропил первую свою зарплату, – припомнил я вслух события прошедшего дня. Я поднял руку с телефонным аппаратом и набрал Фашиста. Поговорили. Да, почти всю. Я пропил вчера почти всю свою зарплату. Которая будет через полторы недели.

Голос Фашиста навеял мне наш с ним разговор про Веснину.

Я рассказал ему, что встретил свою первую любовь. Павлик сказал, что если судьба снова свела нас – ей, судьбе, за чем-то это нужно.

Все эти мысли привели меня к размышлениям о том, что Веснина была очень дорогая в уходе девочка. Нельзя сказать, что я знал это наверняка, но так казалось.

– Да пошло всё к чертовой матери, – сказал я, глядя в потолок. – Маяки-шмаяки, человечество, великие произведения искусства, гуманизм, просвещения, революционные открытия. К чёрту.

Я встал и пошёл к тумбе, в которую положил визитку Шепетинского.

Я вспомнил слова Дэвэ о том, что если я и впрямь писа-

тель, то я обязательно придумаю что —нибудь ещё.

Проходя зеркало, я задержался и посмотрел себе в глаза:

– К чёрту. Ясно?

Человеку в отражении было все предельно ясно.

Я нашёл визитку Шепетинского, лёг обратно на кровать и стал разглядывать строгие, сухие надписи на чёрном фоне. Буквы на визитке «Канадская береговая охрана» следовало расшифровать. Я потянулся за ноутбуком, полез в Вику, но совершенно ничего не прояснилось. Это была организация, которая обеспечивала морские поисково-спасательные операции, морскую радиосвязь, колку льда, и ещё обеспечивала какое то бла-бла-бла. Каким боком организация «Канадская береговая охрана» оказалась у нас в стране, и чем она могла бы здесь заниматься, было совершенно непонятно.

Наконец, я выдохнул и набрал номер, указанный на визитке.

– Алло, – сказал номер голосом Шепетинского.

– Здравствуйте, Борис, – сказал я.

– А, Александр Николаевич, – обрадовался Борис. – Как же, здравствуйте.

– Хочу к вам сегодня подъехать.

– Подъедете, конечно, Саша, кто же лучше вас подъедет, – ответил Борис. – Я буду на месте с 15 до 16—30.

– Мнэээ... Книги брать?

Борис задумался.

– Если на такси поедете, так и возьмите.

– На такую роскошь у нас денег нет. Во всяком случае, пока.

– Будут, будут деньги, обязательно, Александр Николаевич! Не сомневайтесь.

– Хорошо. Значит, к началу четвёртого и подъеду?

– Да, жду вас.

Надо было вставать. Решение было принято и по идее мне должно было сейчас много легче, но легче не становилось.

Я встал, попил воды, побродил по квартире. Постоял у окна. За окном уже совсем очевидно разлилась зима, но снег меня не обрадовал. Я сел за компьютер, почитал ленту. Ни один из постов не то, чтобы не зацепил. Не остался в памяти ни на минуту. Я читал предложение, переходил к следующему, а предыдущее забывал. Осознав это, я картинно потряс головой – иногда помогает и что-то картинное. И задумался – что это со мной?

Ответ пришел быстро.

Я жил со своими Маяками уже десять лет.

Это была «моя прелесть», как говорил Голум.

Почти всё, что я писал в большой форме – а написал я две пьесы и две повести – так или иначе, было связано с Маяками.

И моя неудавшаяся в коммерческом плане книга заканчивалась главой «Сверхзадача», главой о Маяках.

Я очень к ним привязался, к своим Маякам. Я полюбил эту свою концепцию. Она стала лейтмотивом всей моей жизни.

ни, смыслом её существования. Что-то неразрывно уже сплетённое со мной.

А теперь я её продавал.

– «За франки», – вспомнил я фильм «Утомленные солнцем». – «Тебя пошло купили. За франки», – повторил я фразу целиком.

Я пошел на кухню, достал сигарету и закурил. В голове крутились слова Дмитрий Валентиновича: «Можете взять и забыть. А можете взять и не забывать. Память – это дело такое...»

Я успокаивал себя тем, что в действительности ничего такого не забуду, никто ничего не может похитить из моей памяти, «что моё – то моё», напевал себе я из Розенбаума, но это отчего-то не помогало.

Мне было не двадцать лет, когда можно было прикидываться дуриком и подписываться под документами без оглядки.

Мне уже было тридцать шесть. И если я что-то обещал на словах, даже не подписывая, мне нужно было держать. И я держал. Ну, иначе нельзя. Иначе сам себя очень быстро разважаешь, и дело не в окружающих, хотя и в них тоже.

А тут договор.

На десять тысяч долларов.

И мои Маяки.

– Да и чёрт с ними, – прошипел я зло вслух. – Придумаю что-то ещё.

Хотя мне самому было совершенно ясно, что ничего большего я в своей жизни уже не придумаю.

Я докурил, потушил сигарету, встал и снова пошел к компьютеру.

Снова бессмысленно стал открывать страницы, и тут мне пришла идея помечтать, что же это такое я себе могу позволить на красивую сумму в десять тысяч долларов.

Я откинулся на диван и закрыл глаза.

Сначала я представил себе Дашу Веснину.

Попытался представить нас с ней в городе Амстердаме. Ну, или хотя бы в Брюгге.

Я представлял, представлял, но никакого кайфа от этого не было.

В голову лезло, что я проведу неделю в этом самом Амстердаме, но потом-то. Потом. Потом я вернусь домой.

А ещё потом кончатся эти десять тысяч долларов.

И я буду и без денег.

И без «моей прелести».

Картина получалась депрессивная, чёрно-синих тонов картина, без оранжевого или хотя бы зелёного. Некрасивая была картина.

Не воодушевляющая.

16.

В половину третьего я стал собираться и вызвал такси.

Сборы на улицу у меня происходили легко – лишнего шмотья никогда не было. Одни штаны, две рубашки, выбор недолгий. Курточка, ботинки. У меня даже крем для ботинок был только один, чёрный. Поэтому все ботинки (синие, коричневые, серые) у меня постепенно приобретали чёрный цвет.

В машине меня ни с того ни с сего стало подташнивать. Это было вообще чем-то удивительным. Не укачивало меня в транспорте уже лет, по крайней мере, двадцать пять.

Я попросил водителя остановиться, вышел, закурил.

И меня тут же вырвало. Потом ещё раз.

Я утёрся, сказал таксисту: «Пять минут, Турецкий» и пошёл на остановку к киоску «Союзпечати». Больше ничего похожего на места, где могут продавать воду, я поблизости не видел.

В киоске был сок в дистрофичных двухсотграммовых пакетах.

Я посчитал деньги, хватало только на один. Я купил его, отодрал трубочку, выбросил, потом порвал едва ли не пополам пакет и жадно его выпил. Сел в такси.

– Шо, – спросил, трогаясь, таксист. – Вчера было хорошо. А сегодня не очень?

– Ага, – ответил я, лишь бы он отвязался.

– Бывает. Я однажды съел с бодуна трёхлитровую банку красных помидор, приколи?

Он рассказывал что-то ещё, я старался не слушать. Обыч-

но после того, как вытошнит, становилось хоть немного, да легче. Сегодня почему-то не легчало. Да и с чего я вообще блевал-то, понятно не было.

Таксист продолжал что-то говорить, в собеседнике он не нуждался и я стал думать о том, что прощаюсь сейчас с, по всей видимости, самым дорогим, что у меня есть. С моей книгой.

«В полях под снегом и дождем, мой милый друг, мой верный друг, тебя укрыл бы я плащом от зимних выюг, от зимних выюг», вспомнил я неизвестного мне поэта и какая то неуместная, странная, как от прощания с любимой женщиной горечь заполнила меня всего.

Я писал тебя десять лет, моя книга. Я отдавал тебе всего себя, я не мыслил себя без тебя, у меня не было в жизни ничего другого, кроме тебя, весь смысл моего существования, вся моя радость от того, что я есть – она была там, в тебе.

И облеваный возвращаясь домой, и укуренный вхлам, и в странных компаниях со странными вероятными исходами – я всегда помнил, что у меня есть ты, что мне есть зачем жить дальше, что мне есть зачем существовать, существовать здоровому и на свободе, функционировать – есть, пить, поднимать тосты и не опускать руки, мне есть зачем в конце концов даже любить людей – потому что люди – это единственный почти источник, из которого можно пить, чтобы

утолить ту жажду, которая потом выплёскивается на голый лист словами.

Пусть никогда и никем не понятый, пусть презираемый добившимися многого, сытыми и удовлетворёнными одноклассниками – я был счастлив с тобой, я был счастлив с тобой почти всегда наедине, ведь редко я давал кому-то в тебя заглядывать, впрочем не то, чтобы я туда заглядывать не давал – туда заглядывать просто не хотели. Я писал тебя не про любовь и не про деньги, ни про вражду и ненависть, я не использовал для тебя таких любимых «вечных» тем, оттого ты была плоха, была не очень то востребована окружающими. Людям нужны другие люди, людям интересно лишь про других людей, может быть в этом моя ошибка, моя книга, прости. Я не насытил тебя такими историями, я не смог. Сломя голову я летел только к одному, к смыслам, к пониманиям того, из чего ткется ткань мира и зачем все вокруг и отчего вокруг все.

Конечно же, я не знаю до сих пор, получилось у меня что-то или нет.

Конечно.

Тут я переключился на мысль о том, что наверное, все таки, знаю.

Раз предлагают деньги, и деньги хорошие – наверняка что-то там действительно есть, в моей книге.

Тем сложнее было сейчас с ней прощаться.

При чем прощаться мне предлагалось навсегда.

Наконец, прибыли. Таксист назвал цифру.

– Старик, я как раз сюда за деньгами приехал. Минут двадцать всё займет, подождёшь?

Старик посмотрел на меня с большим сомнением.

– Документ какой-нибудь давай.

У меня был с собой паспорт, но паспорт мог понадобиться Борису, чтобы подписать договор.

– На вот мобильный, – нашёлся, наконец, я.

Таксист глянул на мой телефон, который был едва ли не из прошлого века, потом на меня. Я понял, что сделка не состоится.

– Чёрт с тобой, на! – я полез в рюкзак и достал паспорт. – Но на чаевые можешь не рассчитывать.

– Тут своё бы забрать, – протянул таксист. – Чаевые.

Наездили мы действительно уже много, километров сорок.

Мы приехали в тенистый внутренний дворик Минска, где я ещё не бывал. Я подошёл к одинокому подъезду. Камера. Домофон. Я позвонил. Почти сразу же домофон ответил голосом Шепетинского:

– Да-да?

– Александр Николаевич, – представился я.

– Вижу, Саша. Поднимайтесь, второй этаж, – сказал Шепетинский.

– А кабинет?

– А здесь один.

Я ещё раз окинул взглядом здание. Один кабинет? Это какой же должен быть кабинет.

На первом этаже я не увидел дверей вовсе, поднялся на второй. Там действительно был один кабинет, но на нём отчего-то была цифра: «85. Канадская береговая охрана. Борис Шепетинский. Куратор.»

Я постоял у двери, настраивался на разговор. Это получалось плохо. Никудышно даже.

Какая к свиньям Канадская береговая охрана, продолжал удивляться я. Что она делает в нашей стране, которая не то, что к океану, к морю выхода не имеет? Впрочем, я решил, что нужно бы немного собраться, распрямил спину и вошел.

Борис стоял у окна. Он определённо меня ждал.

– Здравствуйте, товарищ адмирал, – сказал я спине Бориса.

Он повернулся и улыбнулся.

– Здравствуйте, здравствуйте, Александр Николаевич!

Но я не адмирал, что вы! Всё обстоит гораздо скромнее.

– Да? И как же всё обстоит, так сказать...

– У меня береговое звание, Саша. Я возглавляю отдел Информации, если вам так интересно.

– Может быть, и интересно. Но всё равно ни черта непонятно.

– Если я начну пояснять, будет ещё скучнее, поверьте.

– Верю.

– Чай, кофе? – предложил Шепетинский. – Могу с коньяком. Могу коньяк отдельно.

Глядя ему прямо в глаза, я сказал:

– А давайте. Чай. И грамм сто коньяку.

Шепетинский занялся сначала коньяком.

– Вы не привезли книги, Саша?

– Я не привез книги, Борис.

– Отчего же?

– Я же вам говорил, на такси у меня денег нет, – я мстил мелко. От этого возникло перед самим собой чувство неловкости.

– Глупо, – сказал Шепетинский. – Я же вам сказал, что отдам деньги. Когда можно будет забрать книги?

– Да хоть сегодня, Борис, – ответил я.

Шепетинский посмотрел на настенные часы.

– Нет, Саша. Сегодня уже никак. Завтра с утра будет удобно?

– Удобно будет сначала рассчитаться, потом уже что-то делить, – желание уколоть Бориса жгло меня огнём. Хоть как-то. Хотя бы вот так. Это, конечно, не месть. Это профанация одна. Но вот хоть так. Хоть так.

Борис посмотрел на меня и засмеялся.

– А что, есть сомнения в том, что вы получите деньги? – спросил Борис. – Знаете, вот эта ваша какая-то придурковатая незаинтересованность в деньгах. Все эти ваши дырявые шмотки, резиновые кеды эти ваши... Это все ведь напускное

насквозь.

– Да? – спросил я. – Вы к чему это все?

– Да к тому, Александр Николаевич, что, если разобраться, вы точно также как все хотите денег. Хотите их много, сразу и желательно без какой – либо ответственности. Ну и ещё желательно, чтоб сильно не напрягать за эти деньги, да? Как бы это не работать. Как бы обойти систему. Я же читал это ваше... как там... «Если бы бог хотел, чтобы я трудился, он бы сделал меня пчелой» ... Мне кажется, – тут Борис мерзко, отвратительно улыбнулся. Я бы даже никогда не подумал, что он способен улыбаться именно так. – Вам бы очень к лицу был выигрыш в лотерею, Стецкий. И без напряжения и сразу много, всё как вы любите. Вот скажите честно, Саша, вы когда —нибудь задумывались об выигрыше в лотерею?

А. Вот о чем. Неужели Шепетинский обиделся? И в ответ на обиду теперь хотел как-то унижить меня. Ладно. Сейчас разберёмся. Поговорим. Только займём у природы немного вдохновения.

– Ваше здоровье, Борис Анатольевич – сказал я и выпил.

Закусил бутербродом. Немного пожевал, ощутил тепло

внутри.

– Задумывался, Борис Анатольевич, – наконец решился на ответ я. – Задумывал о лотерее. Грешен. Ну и от вас ничего не утаишь, удивительной пронизательности вы человек.

Шепетинский молчал.

– Но вот насчет того, что работать не люблю – тут вы не правы, – продолжил я. – Просто у нас с вами разные представления о работе, Шепетинский. Вы считаете, что возить соль с одного берега на другой – это почетно и эта работа должна широко оплачиваться. Я же считаю, что все то, что заменят в скором времени роботы – это не работа, это низкоквалифицированный труд. Да-да, вы почти точно процитировали – пчел или муравьев. Низкоквалифицированный труд пчел или муравьев. В том числе и ваша работа, по перемещению бумаг с одного стола на другой. По просиживанию здесь, в этом огромном кабинете, штанов. Вы же по сути даже вредитель, Борис. В отличии от муравьев или пчел. Вы же ничем больше не заняты, кроме того, чтобы тормозить прогресс.

Борис смотрел на меня с сожалением.

– А вы? – спросил он.

– А я вставал в пять утра на протяжении трех лет, – сказал

я с жаром. Во мне заиграл коньяк. – Для того, чтобы придумать Маяки, для того, чтобы свести все в единую концепцию, для того, чтобы придумать Видящих, чтобы придумать Счетчиков, для того, чтобы понять, как вообще происходит образование Маяка, как распространяется от них свет и, наконец, узнать, как вычисляется дата следующего рождения человека – Маяка...

При этих словах Шепетинский напрягся.

– В вашей книге ничего такого нет, – сказал он. – Вы же так и не поняли, как рассчитывать дату следующего рождения.

– Пойму, Борис, я обязательно это ещё пойму, – в каком-то порыве я совсем забыл, где и зачем сейчас находился. – Мы сейчас о другом! Мы сейчас о том, что вы эти три года вставали утром в своей пятикомнатной квартире, принимали душ, жена вам подносила завтрак, а дети пели в разную о том, что их ждет сегодня. Потом вы шли на эту так называемую работу, в которой не делали ничего, что я бы назвал работой. Того, за что Человек в конце концов вообще называется гордо Человеком. Вы ведь не занимаетесь здесь работой мысли, работой сердца, работой человеческого ума, наконец! Вы ведь отбываете здесь просто свой восьмичасовой номер. А потом двадцать первого числа вы становитесь к окошечку за авансом, а третьего – за окладом. С премией, блять, в пятьдесят процентов. Для того, чтобы у вас был пятикомнатный хлев, улыбчивая жена, которую можно каж-

дую ночь оплодотворять и двое таких же, как вы, подрастающих телят, которые после совершеннолетия рассядутся по таким же кабинетам и таким же стульям. И не будут грезить о лотерее. А исправно получать своё в окошечке, один раз третьего, а второй раз двадцать первого!

Шепетинский не поменялся в лице. Не было совсем никакой реакции на моё такое, как мне казалось, мощное выступление.

– Знаете, что меня удивляет, – спросил меня Борис. – Меня удивляет легкость, с которой вы рассуждаете о моей жизни.

По этим вот словам я понял, что попал. И в двоих детей и в улыбчивую жену, и в то, что Шепетинский сам не раз думал о том, что ведет, по сути, животное существование. Я воодушевился.

– А вы попробуйте, – сказал я смело. – Можно, я ещё коньяку?

– Да пожалуйста, – ответил Борис.

Я пошел к барной стойке, налил себе не скупясь, потом вернулся на свой диван и присел. Нет, зачем я вру, я уже не присел. Я уже развалился на этом диване.

– Вы знаете, Стецкий, – сказал Шепетинский. – А ведь если бы мы не пришли к вам, ваша книга бы так и сгнила без следа во всех этих библиотеках, у всех этих людей, которым

вы раздавали её бесплатно, во всех этих местах, где вы её оставляли. Понимаете, у вас бы никогда ничего не получилось донести просто потому, что вы на каждой странице своей книги метите в какие-то духовные наставники, в какие-то гуру, нет, вот что, Стецкий – вы вообще метите в своей книге в мессии! Не меньше!

Мне показалось любопытным то, что сейчас говорил Борис. А хоть бы и мессия, как говорили в одном мультике. Что с того?

– В новые Иисусы Христы. Вы бы вообще, кажется, не отказались, чтобы с вашего рождения начинался новый отсчет времени! И все это ваше мнимое пренебрежение к деньгам, к тому, как выглядеть, к тому, как пахнуть и к тому, как вести беседу – оно все оттуда же, Сашечька. Вы ставите всех вокруг ниже себя, а в особенности тех, кто хотя бы чего-то добился. Потому что они злят вас и вас все время точит мысль о том, что вы с ними поквитаетесь где-то там, за, как вы однажды романтично выразились, за бортом баркаса. Да не поквитаетесь вы ни с кем, Саша, ну неужели это так сложно понять? Никогда. И то, что вы испытываете – это обыкновенная зависть к людям, которые берут на себя ответственность или запахивают по 12 часов в сутки или и то и другое сразу. А не метят в Иисусики. Да, они запахивают, и они получают, тут все сходится, Стецкий. А вы лежите на диване, потому ходите в рваньё.

«Да ничего он не поймёт, – подумал я. – Незачем ему понимать. Сложно очень понимать то, что просрал свою жизнь. Даже невозможно, наверно».

Мне надоел этот разговор.

– Борис, давайте перейдём к делу, – я отпил коньяку и поставил бокал на стол.

– Не нужно злиться, Александр Николаевич, – сказал Борис. Видимо он разглядел какую-то гримасу на моем лице. – Я этого не заслужил. У вас есть вещь на продажу. Я её покупаю. Вещь хорошая, я не спорю. Но и деньги вы за неё получаете соответствующие. Так что, давайте оставаться друзьями.

– Для того, чтобы оставаться с вами друзьями, Борис, – сказал я. – Нужно, чтобы мы ими когда-либо были.

– Ладно, – примирительно сказал мой куратор. – Давайте перейдем к документам.

– Кто же лучше нас перейдёт, Борис, – поддразнил я Шепетинского. – Конечно, давайте переходить.

Борис открыл знакомый мне чемоданчик, знакомым жестом выложил два договора и деньги. Сто бумажек по сто долларов. Это красиво. Это если не совершенно, то очень близко к тому. Сто бумажек по сто долларов. Год я буду жить красиво. Ну, более или менее красиво. Вот как я буду жить.

Тут я вспомнил, что сегодня бумажек уже не сто, а девяносто пять. Да и чёрт с ним.

– От меня потребуется какой-нибудь... мнэээээ... документ? – спросил я.

– Ну что вы, Александр Николаевич. Что вы. Мы совсем не бюрократы, поверьте. От вас понадобятся только понимание и осознание того, что вы отказываетесь от своего концепта про Маяки в пользу эээ... В пользу десяти тысяч долларов, – Борис рассмеялся. Потом спросил:

– Вы понимаете? Осознаёте?

Я посмотрел на Бориса долгим взглядом.

– Борис, – сказал я и отпил ещё немножечко «Курвуазье». – А если я обману вас? Подпишу эти ваши бумажки... Возьму билет на поезд. И поеду. Скажем. В Монголию. И стану проповедовать там о Маяках, а? Что вы скажете на это, Борис?

От коньяка я немножко оборзел.

Шепетинский не обиделся и даже нисколько не посерьёзшел. Точно таким же тоном, каким он говорил до этого, он сказал.

– Как вы, наверное, уже заметили, Саша... Отделению «Канадской береговой охраны» не совсем место в не имеющей выхода к морю Беларуси, – сказал Борис и сделал паузу для того, чтобы я задумался над тем, над чем задумывался раньше и так.

– Точно также с Монголией, – продолжил Шепетинский. –

С пустыней Сахарой. Или Непалом. Везде, в каждой стране мира есть отделение «Канадской береговой охраны», Саша. С такими же практически неограниченными возможностями, как у меня здесь. Вы понимаете, о чём я говорю?

– Понимаю, – снова подтвердил я. – Я не понимаю, под каким соусом вы находитесь в нашей...

– Вам этого и не нужно понимать, Александр Николаевич, – несколько резко сказал Борис. – Это совсем не ваше дело, и не ваша забота. Тем более, что предмет нашей встречи сейчас ну совершенно другой.

Тон Шепетинского стал жёстким и холодным.

– Хорошо, – примирительно сказал я.

– Мы, Александр Николаевич с уважением относимся к уголовному кодексу, как я уже вам говорил, – продолжил Борис прерванную мысль. – Но, увы, до поры, лишь до поры. Иногда приходится прибегать к кардинальным решениям, Стецкий.

Сколько вам сейчас, тридцать шесть?

– Сорок два, – нагло соврал я.

– Тридцать шесть, – удовлетворённо сказал Борис. – А средняя продолжительность жизни по стране, знаете какая?

– Не знаю.

– А вы посмотрите, в Вику, Александр Николаевич, не поленитесь и посмотрите! 57 лет, представьте себе! Вы поймите, – неизвестно в чём убеждал меня Шепетинский, – это же

гарантированных двадцать лет ещё жить, Саша, сколько всего можно увидеть и пережить, подумайте над этим!

– В Монголии, может быть, другая, – сказал я. – Продолжительность жизни.

– Секунду, – Шепетинский присел к столу, и набрал что-то на клавиатуре. – Одну, буквально, секунду. Вот! Пятьдесят девять вообще! То есть, ещё больше, Александр Николаевич! Мила вам Монголия – езжайте, конечно. Безусловно, езжайте и, может быть, даже повысьте там среднюю продолжительность жизни! Но я очень вас прошу, Стецкий, только не уменьшайте её, м? Договорились?

– Я буду очень стараться, Борис Анатольевич, – севшим голосом сказал я. Нужно было вернуть голос, и я допил коньяк. Запил чаем. Взял со стола ручку и подтянул к себе листки с договором. Начал читать. Потом бросил. К чёрту. Перевернул несколько листов. В конце договора значился «Заказчик» в лице Шепетинского. И я. В роли «Исполнителя». Вот так я всю жизнь и буду. Исполнителем. Только чего. И кого. И зачем. Ай.

Я красиво подписал оба экземпляра документа. Подпись Бориса на них уже была.

Протянул Шепетинскому один экземпляр.

Борис мельком взглянул на подпись, прошел к массивному сейфу, открыл его, достал какую-то папку и вложил туда договор. Я успел заметить на корешке папки свою фамилию.

– Ого, – сказал я. – Вы на меня что же. Целое дело завели,

Борис?

– Отчего же на хорошего человека дела не завести, Александр Николаевич, – Борис сунул папку в сейф и закрыл его.

– Просить взглянуть, мне кажется, бессмысленно?

– Абсолютно, Саша.

Я допил свой коньяк и сказал.

– Ну что же. Я пойду?

– Деньги возьмите, Александр Николаевич, – протянул Борис. Мне показалось, что теперь, когда я был сломлен и раздавлен. Теперь, когда я был пошло куплен. За франки. Он относился ко мне с презрением. Какой-то такой был у Шепетинского сейчас тон. Хотя... Главное ведь искать. Скорее всего, это не он относился ко мне с презрением. Скорее всего. Это я. Так теперь относился к самому себе.

– Не беспокойтесь, Борис, – тихо сказал я. – Деньги я обязательно возьму.

17.

Опережение событий.

Письмо Маргарите, 2012 года рождения.

Письмо второе

Итак, продолжим, моя дочь Марго. Продолжу мой рассказ о Маяках.

Представь себе, Маргарита, Иогана Себастьяна Баха.

Представила его? В самом-пресамом конце жизни. Как

лежит, уже старый и больной Иоган Себастьян на подушках из гусиных перьев, размышляет о пройденном в жизни пути и написанных своих великих произведениях. А ещё думает Иоган Себастьян – как печально то, что скоро помирать. Вроде и говорили ему про какую-то бессмертную душу священники. Убеждали всю жизнь в её существовании. Вроде бы нужно легко и беззаботно прощаться с такой богатой и такой насыщенной жизнью. Раз есть душа. И вот шарит Иоган Себастьян за пазухой у себя в поисках веры в бессмертную душу, но ничего не находит. Вынимает руку из-за пазухи, а там пустота. Пробует в другое место за пазухой посмотреть – а там тоже пустота и темень беспроглядная. Совсем грустно и тоскливо становится Иогану Себастьяну от этих фактов. Повернётся на один бок – плохо лежать. Повернётся на второй – ещё хуже. И вдруг в один момент Иоган хватается себя за руку. Потому что понимает Бах то, что, когда его, Баха, не будет. Произведения-то его ещё будут существовать триста, четыреста, пятьсот лет. Цену своим произведениям он знал, а когда о своем месте в истории задумался, всё понял. А когда понял, подумал так:

– Допустим, господь Бог наш даст мне опять на земле родиться.

Образованный и умный, Бах ни в какой ад с раем веры не имел. А что душа его может ещё раз родиться – вполне себе такое предположение допускал.

– Лет эдак через триста. Вернусь я ещё раз на землю человеком. По имени, скажем, Филипп, – Баху нравилось имя Филипп.

– Допустим. Так это что же. Это я свою собственную музыку слушать буду, так что ли, получается? Может быть, даже станцию под неё что-то, да?

Получалось, что так.

– Так почему же мне, когда я вернусь через триста лет Филиппом. Каким-то образом не узнать, что я уже был. Иоганом Себастьяном Бахом. Был. Чтобы, когда я буду старым Филиппом. Не лежать вот так же в кровати, трясясь от страха. Чтобы вовсе никакой смерти мне не бояться. Никогда, когда я буду Филиппом. Почему мне не узнать, что я уже был? По моей музыке не узнать, например?

Подумал так Бах и умер. Он уже старенький был.

Следующим под старость такие мысли стал думать Ампер. Тот, который электрический ток открыл. Точно так же лёжа в кровати в тончайшего покроя пижаме, окружённый роскошью и богатством, которые через пару дней ему уже никогда не понадобятся.

Ампер тоже думал так:

– Вот я снова через пятьсот лет рожусь. Электричество будет, так ведь? Открыл его я. Стало быть, и узнать как-то про меня сегодняшнего можно. Чтобы не лежать в следующей жизни – вот так же стариком в кровати, трясясь от страха. Чтобы вовсе никакой смерти мне не бояться.

Никогда в той жизни.

Тут Ампер на секундочку задумался.

– Хм, – задумался Ампер. – Это же выходит, что. Это же выходит то, что и в той, в следующей жизни мне нужно будет что-то эдакое открыть. Чтобы цепочка из моих жизней не прервалась. Так-так-так... Интересно. Памятник себе, что ли ставить нужно? Нет! Никакой не памятник! Это Маяк, вот что это выходит. Я вот здесь, сейчас поставил себе Маяк, я открыл электричество. И этот Маяк будет мне светить через толщу лет. Мне, тому, который родится позже. Маяк будет говорить мне о том, что я уже был! А значит, я обязательно вернусь ещё раз. Вот только как распознать этот свет?.. – на прощанье подумал Ампер и тоже умер. Они же все только под старость о таких вещах догадывались.

Я же об этом догадался, когда мне не было и тридцати лет.

Догадался о том, что для того, чтобы не бояться смерти. Чтоб уйти от этого тоскливого чёрного липкого каж-додневного страха за свою жизнь. Чтобы не отравлять душу этой мерзостью, а жить легко и светло. Для этого нужно ставить Маяки.

Однажды, я решил поставить свой.

Я придумал план действий.

Нужно сегодня сесть за стол, включить компьютер и прочитать, как научиться писать книги. Такие книги, ко-

которые оставались бы если не в веках, то хотя бы в десятилетиях. Сидеть за компьютером и читать, читать и учиться, учиться и пробовать что-то написать самому, пробовать написать, получать оплеухи от читателей, научиться стирать и переписывать, стирать и переписывать, переписывать и стирать до бесконечности, до тех пор, пока не станет что-то получаться.

Может пройти год, два, а может быть двадцать два. Зависит от таланта, увлечённости, заинтересованности в результате, и ещё черт знает, от чего это зависит. Но получится всегда. Обязательно.

И вот когда получилось. Выключить компьютер. Потом выйти из-за стола. Отдохнуть. Покурить.

Снова сесть за стол, снова включить компьютер.

И написать книгу.

Поставить свой Маяк.

Теперь мне оставалось одно. Но самое главное.

Мне оставалось разглядеть его свет.

Который указывает. Высвечивает своим лучом то, когда я приду в этот мир снова.

Об этом, Маргарита, в следующем письме.

18.

Поговаривают, что мечтать нужно осторожнее.

Лично я в этом однажды убедился, когда один мой това-

рищ всё мечтал бросить пить. Гундел об этом на каждой попойке, ему объясняли, что никто же тебе в глотку не заливают, сиди читай газеты с нами, не пей. Но он был непреклонен в своих беседах с нами о вреде пьянства. И о своей мечте – как он бросит, наконец, бухать.

Вы знаете, у него получилось. Однажды по дороге на работу он сбил какую-то старуху на пешеходном переходе и не пил потом даже не год, а больше. Кажется, не пил бы и ещё, но его выпустили по амнистии.

Я же, как мне кажется, всегда втайне мечтал быть директором. Ну, хотя бы чего-нибудь. Хотя бы чем-то поуправлять. И теперь моя мечта сбылась: я был полноценным директором книжного магазина.

– Так ты считаешь, что её украли? – спросил ещё раз я.

– Конечно! А куда она делась-то? – Рыгор, который представлялся именно так и никак иначе, несколько раскраснелся и даже пошел пятнами.

– Итак, у нас дела идут настолько хорошо, что у нас стали красть книги. За всеми покупателями мы просто не успеваем уследить, – я язвил, но сам чувствовал, что получается не очень.

Дела в книжном, между тем, шли не то, чтобы плохо. Они шли плохо из рук вон. Шальная аренда места в 80 квадратов в «Старом городе» не покрывалась продажей книг, да и не могла продажей книг покрыться никогда. Старый город – это место для туристов. Для всякого рода хипстоты.

Для влюблённых пар. Для одиноких старичков, которые пришли сюда просто погулять. Старый город – не место для продаж чего-то массового, например, книг.

Безусловно, мы устраивали презентации и всякого рода встречи с читателями. Безусловно, нас знали, как уголок «сучаснай беларускай книги». Безусловно, книжный магазин и издательство уже были каким-никаким брендом. Только всего этого было мало. Покупателей – да не покупателей даже, посетителей! – можно было сосчитать по пальцам одной руки в час. Продажа книг хорошо, если «отбивала» треть аренды в месяц. А между тем, ещё ведь были зарплаты и налоги. Этот корабль красиво и уверенно шел ко дну, о чем я неоднократно сообщал Димитрову. Димитров меня выслушивал. Выслушивал он также меры, которые я предлагал по спасению – кивал на всё головой, а дела шли, как шли, и никто ничего не предпринимал. Однажды я спросил Димитрова – а как, с каких денег он собирается оплачивать аренду в дальнейшем?

Димитров мне вкратце пояснил, с каких денег он собирается платить аренду за следующий месяц.

Я погрустнел.

Судя по объяснению, моя карьера директора стремилась к быстрому своему окончанию.

А теперь у нас ещё стали воровать книги.

– Нет, я запомнил, – Рыгор горячился. – Такой тощий, с усиками. И женщина ещё с ним такая неприятная. Давайте

вот что сделаем: там же, на выходе, нас «обстреливает» камера ресторана напротив. Попросим у них записи, я вам всё покажу, обратимся в милицию.

– Ладно, – наверно, нужно было так и делать, хотя и не хотелось связываться с милицией.

Я прошел в офис, в котором сидела Веснина. Даша готовилась к вечерней презентации. Я задержался на пороге больше нужного времени. Я смотрел на Веснину. Никогда не мог понять – красота ли в глазах смотрящего или, действительно, в её руках была предельная точность и изящность движений, в повороте шеи – грациозность, а в том, как она шептала какие-то цифры себе под нос – детская трогательность. Как и почему остальные могут этого не видеть? Или мне просто навесили какое-то искажающее стекло, которое мне давало столь чудесную картину? Если стекло – то почему таких стёкол нет в продаже? Это же я всякого любого человека мог бы, таким образом, полюбить.

Тут у меня зазвонил мобильный.

Веснина не отвлеклась от своих дел ни на секунду. Как будто меня и не существовало в этом мире вовсе.

Я поднял трубку.

– Доброго вам дня, Дмитрий Валентинович.

– И вам, Александр Николаевич, не хворать.

– Отвлеку вас на несколько минут? У меня тут небольшое дельце к вам образовалось.

– Отвлекайте.

Я кратко изложил, чего хотел от ДЭВэ.

Дело в том, что меня просто припекало узнать, чем же всё-таки занимается таинственная организация, в которой работал Шепетинский. Чем она занимается официально. По роду работы у ДЭВэ были связи во всяких высоких кабинетах. Поэтому чисто теоретически вопрос этот ДЭВэ вполне мог осветить. Да и должна же быть какая-то официальная миссия у «Канадской береговой охраны» на нашей исключительно сухопутной территории.

Дима меня выслушал молча, потом сказал:

– Я попробую.

– Ну а если что-то удастся узнать про то, чем они занимаются неофициально... То это вообще будет вам объявлена благодарность от всех литературных кругов Беларуси.

В благодарностях от кругов ДЭВэ не очень нуждался. Он уточнил:

– Это того Бориса контора, я правильно понял?

– Да, Дмитрий Валентинович. Представьте себе, у них на меня есть «дело».

ДЭВэ промолчал.

– У них на меня «дело» есть, у меня на них – нет, – продолжил я. – Нехорошо.

– Нехорошо, – согласился ДЭВэ.

– Не богоугодно. Очень хочется поправить.

– Александр Николаевич, я же сказал – попробуем.

– Ниски поклон, Дмитрий Валентинович.

Мы попрощались.

Веснина занималась своими делами. Я ещё немного понаблюдал за ней, и тут мне стали сильно обжигать карман деньги, которые я получил от Шепетинского. Тем более, что я накидал уже приблизительный план охмурения Даши.

Около наших дверей припарковалась и заглохла машина, но внимания на это я никакого не обратил, здесь парковались все, кому не было лень. В том числе, и жильцы этого сверхпрестижного района Минска.

– Дарья, – начал я.

– Да, – вполне дружелюбно откликнулась Веснина, хотя и не оторвалась от работы.

– Дарья, я хотел бы пригласить вас на кофе. На самый лучший в Минске кофе, – сказал я, но продолжить мне не дали. Дверь раскрылась с особенным шиком, и в дверях появился бандерлог, которого я сразу не узнал. За ним появилось ещё трое бандерлогов. Следом за всем этим невиданным всплеском посещаемости магазина появилась моя вторая, после, разумеется, Весниной, любовь – дизайнер Денис. Теперь я вспомнил, где видел всех этих бандерлогов – они помогали моей второй любви собирать нашу мебель, Тогда. Накануне открытия. Когда Димитров сказал своё прекрасное «рассчитаемся». Судя по битам, которые держали в руках все бандерлоги, именно рассчитаться они и пришли. Выглядели они не совсем по-бандитски, никаких таких бычьих шей и затылков, никаких перекачанных мышц, обычные па-

цаны. Зато вчетвером. И с битами. Это хорошие аргументы, чтобы рассчитаться. Бандерлоги, как совершенно непрофессиональные в этих делах пацаны, сильно нервничали.

Веснина посмотрела на всё это без страха:

– Это к вам?

– Не совсем, – ответил я. – Но под молотки, судя по всему, попал я.

Я встал и вышел навстречу дорогим гостям. Гандляр Рыгор сидел на своём месте, внимательно глядел в компьютер и делал вид, что происходящее его не касается.

Моя беззаветная любовь, дизайнер Денис, не обратила на меня ровно никакого внимания. Моё чувство так и осталось безответным. Денис обошел меня и заглянул в офис.

– Здравствуйте, – сказала ему Веснина.

– Где Димитров? – Денис обратился ко мне.

– На задании в Венгрии, – ответил я ему.

– Не заливай. То, что он в городе, я знаю точно.

– Если знаешь, то чего спрашиваешь?

– Звони ему.

– А чего я?

– На мой номер он не отвечает.

– У тебя вон, сколько друзей, – я кивнул головой в сторону бандерлогов. – Пусть они позвонят.

– Как только я начинаю говорить, он отключается. Да и чего ты выёживаешься, звони, я тебе говорю.

Я покорился и набрал номер Фашиста. Я старался гово-

рить быстро, без перерывов на ответы.

– Змитер, привет. Буду краток. Тут к нам в книгарню за-
явились четверо с битами и твой друг – дизайнер Денис. На-
строены серьёзно...

Денис вырвал у меня телефон. Слава Богам, Фашист ни-
чего ответить не успел.

– Слушай сюда, свинья, – сказал в телефон дизайнер Де-
нис. – Если через полчаса ты не привезёшь мне все деньги,
что должен, и ещё штукарь за тревоги, я разнесу эту твою
книгарню. А твоему директору мы оставим, по крайней мере,
одну битку и ты, наверное, понимаешь, где. Ты всё понял?

Я услышал, как Павлик сдержанно ответил: «Да» и замер.
По этому «да» Дениска мог бы определить, что это не Ди-
митров, и битку мне могли начать оставлять прямо сейчас.
Вплоть до приезда Павлика.

Но дизайнер, видимо, всегда визуал, а не аудиал. То есть,
ничего такого Дениска не определил и вернул мне телефон.

– Алло, – сказал я.

– Ну я всё понял, – ответил Павлик. – Ты сказал, их че-
тыре?

– Да.

– Очень здоровые быки?

– Вовсе нет.

– Адрес Старовиленская, шесть, правильно?

– Да.

– Повыступай с докладом минут тридцать. Может быть,

успеем быстрее.

– Слушаюсь, – ответил я и отключил связь.

– Ну чё? – дергано спросил Денис.

– Через минут тридцать, сказал, будет. Всё нормально, Денис, не будем делать друг другу нервы.

Я подумал о том, что если Паша сказал, что приедет, значит, Паша приедет. Но чем-то нужно было сейчас развлечь гостей.

– Не желают ли господа чаю, – как можно более радушно сказал я. Получилось всё равно не очень. Господа чаю не желали.

Мы постояли в молчании. Друзья Дениса стали разбредаться по книжному, рассматривать ассортимент.

В это время из офисной комнаты вышла одетая в пальто Веснина. Даша направилась к выходу.

– Куда? – спросил её один из тех бандитов, что стояли возле меня.

Очевидно, бандерлоги думали о том, что Веснина может пойти в милицию.

– А кто вы, собственно такой? Чтоб я отвечала на ваши вопросы? – без какого-либо страха ответила Веснина.

– Залезь в свою будку и жди, пока разрешат выйти, – сказал бандерлог.

Веснина с недоумением посмотрела на меня.

– Как ты с ней разговариваешь? – спросил я оппонента

Весниной. Тут внезапно я понял, что никакого страха во мне нет. Кометой пронеслись все мои построения о страхе и любви, из-за которых я взялся за свою книгу. И тут же я понял, что я всё перепутал – не отсутствие страха делает возможной любовь. А присутствие любви растворяет страх.

– Чо? – сказал бандерлог.

– Благодарю, – сказала мне Даша и попыталась продолжить свой путь к выходу из книжного.

Бандерлог схватил Дашу за руку и с силой толкнул обратно к офису. Веснина со всего размаха врезалась в дверной косяк головой и согнулась пополам, держась за затылок.

Я стоял совсем рядом с происходящим инцидентом и в глазах моих потемнело. Я немного присел, чтобы вложить в удар всё своё тело и выстрелил прямым апперкотом в лицо бандерлога. Бандерлог с шумом рухнул на пол.

«Красавелло», – успел я ласково подумать о себе, а потом в глазах снова потемнело. Бандит, который стоял позади меня, сориентировался раньше всех и со всей дури опустил биту на моё плечо. В голову, нужно думать, он не целился, потому что таким ударом по голове меня можно было бы и убить. А так – внутри меня просто что-то поломалось. Я пока ещё не знал, что, но боль была такой, что я понимал хорошо, что где-то что-то там, внутри, разъединилось.

Потом меня сбили с ног и начали топтать ногами. Страх так и не пришел ко мне. Больно было. Страшно – нет. Я с удивлением подумал, что меня не волновало даже сейчас

то, что меня в этом едином порыве могут и убить. Сначала я закрывал самое лучшее, что во мне было – голову. Но после того, как мне несколько раз прислали по почкам, я понял, что дела мои всё равно идут неважно. Потом я услышал голос того бандерлога, которого я так удачно свалил с ног:

– Дай я, дай я.

И даже через руки почувствовал четыре мощных удара сверху вниз, по голове. А потом всё прекратилось.

Как-то вдруг.

Свет, который мне заслоняли склонившиеся надо мной бандиты, снова залил пространство. Я разлепил глаза и первое, что увидел – Фашиста, который стоял, прислонившись к косяку входной двери.

Потом я различил размеренный, будто стук молота, который забивает на стройке сваи, звук ударов. Звук существовал и слева, и справа от меня. Это уже работали настоящие быки – и по фактуре, и по деловитости, с которой они превращали в фарш денискиных бойцов.

Я, лёжа на полу, прижал руку к животу и продемонстрировал Фашисту оттопыренный кверху большой палец. Павлик понял, что это было моё спасибо.

Тут за спиной я услышал визгливый голос Дениса.

– Я посетитель! Я оказался здесь случайно!

Денис, ловко перепрыгивая препятствия, побежал к выходу.

– Посетитель, – кивнул я Фашисту.

Павлик пожал плечами и посторонился.

Денис выскочил на улицу, и я подумал о том, какая же моя любовь большой дурак. Теперь его будут бить и презирать свои.

Гандляр Рыгор сидел на своём месте ровно, глядел в компьютер и тщательно делал вид, что происходящее его не касается.

19.

Когда меня ударили по плечу битой в книгарне, во мне, оказывается, на самом деле ничего не сломалось. Мужчины в принципе склонны преувеличивать свои болячки и паниковать при каждом уколе в боку, хотя к врачу, пока не запечёт по-настоящему, они не пойдут. Я считал себя настоящим мужчиной именно в этом вопросе.

Так вот, во мне ничего не сломалось, это лишь показалось. Плечо выдержало и осталось целым. Естественно, оно окрасилось потом в приятный лилово-синий цвет – цвет заката над озером, когда солнце уже смотрит на тебя откуда-то из воды. Плечо болело и требовало хоть какого-то ухода.

Но на уход за своим суставом руки совершенно не было сейчас времени, так как у меня приключился запой. Сначала два дня пили с Павликом и Димитровым, начав праздновать приблизительно с момента изгнания Дениса и его армии. Потом я ещё пару дней отпаивался более лёгкими напитками,

но в более тяжёлых для организма количествах. Вчера я решил, что всё, начинаю новую жизнь (это моё самое популярное решение относительно жизни), сегодня перекумаривался валерианой, а теперь, ночью, лежал и не мог заснуть. В общем, всё согласно намеченному плану. Плохим было то, что план я намечал дня ещё четыре назад. Сейчас же по нему действовать не хотелось абсолютно, но отменить уже ничего было нельзя. Вернее, можно было – с некоторых пор я на случай появления рыжего зверька** держал в запасе бутылку водки. Но не хотелось. По некоторому полученному жизненному опыту я знал, что примерно с третьего дня запоя такие продления не дают совсем никакого кайфа, а только лишь более тяжёлый и мучительный выход. Случались порой совсем уж крутые пики, когда был и четвёртый водочный день, и пятый, но тогда в дело вступал какой-то неизвестный мне закон самосохранения, и я пил по пятьдесят граммов в час. Потому что где-то прочитал, что печень здорового человека безболезненно может переработать именно 50 грамм водки в час.

– Здорового человека, здорового, – прошептал я и добавил, подражая Венечке Ерофееву. – Тяжело мне, ангелы. Дайте поспать. Напойте колыбельную. А?

Я сказал и прислушался. Иногда, откуда-то из совсем далёкой соседской квартиры доносились неясные, но явно религиозного характера песнопения. Я считал их колыбельными песнями ангелов – именно для меня. Но сегодня ангелы

молчали.

Я вздохнул и перевернулся на другой бок.

– Вот сколько производит хорошая бетономешалка? – подумал я. Спать не хотелось совсем. Вернее, хотелось. Но не могло. – Я был бы хорошей бетономешалкой, или нет? Если в меня засыпать цементу, песка и бетону?

Я снова перевернулся. Хотелось думать о приятном, и я стал думать о том, что я был бы хорошей. Производительной бетономешалкой.

При выходе из запоя ночью существует одно руководство, одна заповедь, которую нужно неукоснительно соблюдать. Заповедь эта – ляг и не шевелись. Не крутись из стороны в сторону, лучше не будет ни на одном из боков, на спине не будет лучше тоже; если ляжешь на живот, это опять тебя ничем не спасёт. Даже если разверзнутся небесные хляби*, и сам Сатана в чёрных молниях прыгнет тебе за спину – не переворачивайся на другой бок и не смотри на него. Тем более, что, скорее всего, это никакой не Сатана, а твоя кошка решила ободрать картонный футляр от гитары. Оттого и столько звука.

Не вертись. Это просто состояние организма, когда ему плохо в любом положении. Будешь вертеться – совершенно точно не сможешь заснуть.

Заповедь эту я хоть и знал твёрдо, но никак не соблюдал, и этой ночью, если бы у меня была резьба, я бы уже давным-давно провертелся в спинку кровати и намертво там бы

застрял. Где-то предположительно по пояс.

Я убеждал себя не шевелиться, я говорил себе: попробуй лучше дышать тихо и размеренно, а ещё попробуй остановить все мыслительные процессы. Я знаю, это почти невозможно, но попробуй – без этого никак не уснуть.

В такие ночи слух мой отчего-то становился очень острым, и я знал прекрасно, что где-то в квартире внизу завели собаку, и что спит она в коридоре. Знал периодичность походов соседей в туалет. Знал, что по уикендовым ночам кто-то ходит на балкон курить, знал, во сколько кладут спать детей, которые топчут сверху, мог дешифровать все движения моей кошки – откуда она спрыгнула или что пошла жрать, а может быть, и вовсе залезла на стол.

Ночь – она вообще для звуков. Когда исчезают почти все информационные поля, все эти радиоприемники и телевизоры, DVD-проигрыватели и каналы, по которым смотрят порнофильмы, всё-всё исчезает, до последнего держится только лифт – он может загудеть и в два, и в три ночи, а по выходным загудит обязательно.

Эти мои размышления прервал телефонный звонок.

У товарища Розенбаума есть песня «Ночной звонок». В ней, в этой песне он сообщает, что не любит ночные звонки. Говорит, что кроме беспокойства, ничего такие звонки не несут. Я вполне разделял эту мысль, но трубку, тем не менее, взял. Слава богам, это был ДэВэ, от которого не стоило ждать каких-то неприятностей.

– Здравствуйте, ДэВэ.

– И вам того же, АН. Я понимаю, что поздно. Но дело достаточно безотлагательное. Тем более, что по вашей просьбе. А я завтра улетаю в Лондон, понимаете ли.

– Понимаю, кто же лучше меня вас поймёт, ДэВэ. Говорите...

– Тут такое дело... Что лучше не по телефону. Это про вашу организацию, АН.

– Про Шепетинского, что ли? – я считал себя очень проницательным мальчиком.

– Александр Николаевич, – я будто наяву увидел, как досадливо морщится Дмитрий Валентинович. – Я же говорю. Не надо ничего по телефону... Хотите, приезжайте ко мне в течении получаса. Нет, встретимся после Лондона... Хотя есть некоторые обстоятельства, что встретиться стоило бы до моей командировки.

– Понял, – понял я. В том числе понял, что прокололся и очень может быть где-то подставил ДэВэ и себя, назвав фамилию Шепетинского по телефону. – Тут всё зависит от такси, ДэВэ. Я ведь не на самолёте. Но должен успеть.

– Будете через сорок минут – ничего страшного. Я действительно был у ДэВэ через сорок минут.

20.

Когда ДэВэ открыл дверь я вместо «здравствуйте» сразу спросил:

– Ну?

– Что же вы так разволновались-то, Александр Николаевич? – спросил ДЭВэ. – Разувайтесь. Проходите.

Я стал разуваться и проходить. Зашли на кухню, ДВ стал делать кофе. Я его не торопил. Кофе машина стала лить струйку кофе в чашку и Дмитрий Валентинович наконец начал.

– Сама организация, и сведения о ней, знаете ли, достаточно скучны, – сказал ДЭВэ и поставил две чашки на стол. – Хотя и не лежат в открытом доступе. Да... Не лежат.

– Если вы потратились, вы скажите, ДЭВэ! – ответил я. – Вы же знаете, я сейчас при лавандосе.

– Да ну что вы в самом деле... Глупости какие-то говорите, слушать неудобно, – ДЭВэ сделал сострадающее моей глупости лицо. – Выпьете что-нибудь?

– Нет, – на второй день после запоя я был твёрд совершенно, как камень*. – Я в состоянии устойчивой ремиссии...

– А. Понимаю, – ДЭВэ посмотрел на меня, всё понял про мою ремиссию и начал о говорить о главном. – Ваша канадская береговая охрана занимается на территории Беларуси совершенно легальным и приносящим стране валюту бизнесом. Закупает у нас оборудование, в том числе и высокоточное, которое помогает осуществлять функции охраны береговой линии государства Канада.

– Всё? – я сглотнул.

– Почти. Почти всё, Александр Николаевич. То есть, в из-

вестном смысле всё... Я бы мог вам, при желании, достать списки того, что они закупают. Такой список недорого отдавали. Но мне почему-то показалось, что это вам безо всякой надобности.

– Если они действительно просто закупают оборудование...

– В этом даже не сомневайтесь. Легальность им обеспечивает именно это. Государственный, понимаете ли, заказ. Ошибки быть не может.

– Ну тогда конечно. На кой чёрт мне смотреть на их оборудование...

– Я подумал совершенно аналогично. Но, Саша, но! – Дмитрий Валентинович явно собирался теперь сообщить нечто важное. – Я нашёл тебе человека, который поступил ровно так же, как и ты.

Иногда, в редкие моменты, ДЭВэ обращался ко мне на «ты». Но уловить связь, когда именно наступали такие моменты, я не мог.

– Эээ, – не понял я. – Это как же?

– Он не пошёл с ними на сделку. С этой организацией.

– Отказался?

– Ну да. Ты же отказался продать им книгу...

Тут я вспомнил, что не поставил ДЭВэ в известность о том, что книгу свою я таки продал.

Продал с потрохами.

– Это я сначала отказался... – приступил я к объяснению.

– Да это не важно, Александр Николаевич! – сказал ДэВэ. – Понимаете, я нашел ещё одного человека, которому поступило такое же предложение, как и вам!

– А, – сказал я. – Ну конечно. Понимаю. Это же многое может прояснить.

– Есть тут только один небольшой момент, Александр Николаевич, – ДэВэ откинулся от меня на спинку стула и несколько замялся. Посмотрел на меня. И сказал:

– Человек, которого я вам нашел... Ммм... он малость с прибабахом...

Я пожал плечами.

– Я уж не знаю, ставили ли ему диагноз врачи, – продолжил ДэВэ. – Но в том, что он мнэээ... несколько сумасшедший, сомнений нет.

– Несколько?

– Да. То есть, никакого буйства, нет, в этом замечен не был. Но, вот некоторые данные... вот послушайте, – ДэВэ взял со стола листок и начал читать. – 46 лет, Юрий Леонидович Юркевич. Нигде не работает. Живет с мамой, сдают ещё одну квартиру в аренду. Даже это не делает его особенно странным, но, но, но, – Дмитрий Валентинович бежал глазами по тексту. – А, вот. Ежедневное его занятие. Это переносить свои деньги из банка в банк и перекладывать с вклада на вклад. Каждый божий день. Ну когда работают банки, безусловно.

Дмитрий Валентинович отложил свою бумажку.

– Да уж... Человек точно не без привета, – сказал я.

– Да. Более того. Он считает. Что, перекладывая свои деньги с вклада на вклад, – здесь ДЭВэ сотворил театральную паузу. – Он управляет денежными финансовыми системами мира, представьте себе! Увязал как-то банки с планетами и по движению планет смотрит, в какой день, когда чего переносить. Понимаете?

– Какой задорный... – тут я задумался. – Послушайте, ДЭВэ. Ну, а если... Если и впрямь управляет? Вдруг... Вдруг у него именно этот проект и хотел купить Шепетинский?

– Была такая мысль, АН, была, – сказал ДЭВэ. – Ничего похожего. Во-первых, он одет, почти как бомж... С мамой живут на её пенсию. Во-вторых, по этому поводу у него в голове такой кавардак, что и слушать неудобно... По некоторым другим вещам кавардак, кстати, тоже. Но чего-то от него добиться можно наверняка, общие рассуждения достаточно чёткие... Без вывертов.

– А ведь Перельман тоже с мамой жил, ДЭВэ, – сказал я. – И тоже одет был, будем прямо говорить, не очень...

– Ну Александр Николаевич, у вас будет шанс поговорить обо всём с ним самостоятельно. Может быть, так сказать, объедините ваши усилия и ваши идеи...

– Вот так вот ходит-ходит человек в отцовском драповом сером пу-альто, – сказал я мечтательно. – А потом – бац. И накрывается какая-нибудь платёжная система, а? А чело-

век этот в отцовском драповом сером пальтеце с этого – миллионщик. Как вам?

– Поговорите, поговорите с ним сами, АН. Мне кажется, вы все поймёте достаточно быстро. В общем, вот его телефон, извольте. Юрий Леонидович Юркевич, 1964 года рождения. Записали?

Я записал данные Юркевича в мобильный.

– Мы там небольшой ремонт в его квартире сделали. Косметический. Больше для мамы. В общем, он будет рад с вами поговорить о Шепетинском. Мы с ним друзья. А друг моего друга, – Дмитрий Валентинович поднял палец, – сказал мне Юрочка на прощание, мой друг.

– Когда он ждёт моего звонка? – спросил я.

– Расстался я с ним сегодня... Так что лучше завтра, чтобы по горячему, так сказать... Чёрт его знает, насколько мы с ним друзья, понимаете? Я вас сегодня и позвал поэтому. Возвращаюсь я только через три дня... Так что лучше завтра, АН.

– Ниски вам поклон, ДэВэ. И это безо всякого юмора. Очень помогли.

– Отдадите мне данными о моем Маяке, АН, – ДэВэ улыбнулся. – Раз уж вы хотите безо всякого юмора.

– Зря вы не верите, – несколько обиделся я.

– Если бы не верил, пальцем бы ради этого дела не пошевелил, – ответил ДэВэ уже серьёзно. – У меня просто ещё тут дел полно. А родиться в следующий раз... – ДэВэ пожал

плечами. – Кто же от этого откажется.

Я помялся в дверях.

– Мне один мой приятель, рассказал о том, что его мама стоит и смотрит в окно. Часами. Представьте себе.

– И что? – не понял ДВ.

– А это история про бабушек, которые смотрят в окно, Дмитрий Валентинович, понимаете? Только эти вот бабушки, которые ещё совсем недавно было «такими-то не ясными бабушками, которые смотрят в окно» – это уже наши мамы, понимаете?

Тру смотрел на меня и вроде бы понимал, что я хочу сказать. А вроде бы и нет. Тогда я решил все-таки пояснить

– Очень мало для каждого из нас одной жизни, ДВ. Тр-эсь – лясь, оглянуться, кажется, не успел, а твоя мама – это та бабушка, которая смотрела в окно и с которой было смешно, что вот есть такие бабушки – смотрят от безделья в окно. Доживают. Точно также мы не успем никуда оглянуться, а уж и помирать надо. Нехорошо это. Если навсегда.

Я вышел за дверь и поехал домой.

21.

Жизненный принцип «пришёл на работу позже – значит, уйти сегодня нужно будет пораньше» мне знаком, близок и понятен. В книжном я старался появляться не раньше полудня. Хотя бы потому, что не видел в раннем появлении

пользы ни для себя, ни для сотрудников, ни для книжного. Была, конечно, ещё Веснина. С которой находиться рядом было без преувеличения праздником. Но принцип, о котором я написал выше, был близок и ей.

Сегодня, однако, меня ждал сюрприз. На рабочем месте меня уже караулил Димитров. Я сел за свой компьютер, и Димитров сказал:

– Саша, надо бы уделять больше внимания работе. У тебя накопилось столько текучки, что подумать страшно. А я тут поспрашивал у продавцов... Ты, оказывается, раньше двенадцати и не появляешься!

Я подивился такой перемене в Димитрове.

– Чо за текучка? Почему я о ней ничего не знаю?

– Ну как что за текучка, Стецкий, – кажется, в первый раз за всё время Димитров назвал меня по фамилии. – Ну, сходи в зал, посмотри на ассортимент! Где сувениры, где календары, где наша национальная белорусская символика, Саша? Где это всё, я тебя спрашиваю? Где книги от государственных издательств, почему у нас нет ни одной книги от государственных издательств, Стецкий? Почему у нас бачок, в конце концов, в туалете течёт, Александр Николаевич?

Это уже было ни на что не похоже. Так он со мной никогда ещё не разговаривал. И не хотелось бы, чтоб разговаривал в будущем. К тому же в магазин зашла Веснина и мило чирикала о чем-то с продавцом. По всей видимости, Даша

услышала, как Димитров меня распекает, и тактично решила пока не входить в офисную комнату.

– Ты перепил что ли вчера, Змитер? – спросил я.

Димитров отвернулся к окну и как-то сразу сдулся, стал меньше и незначительнее.

– В государственные издательства, ты сказал, мы пойдём вместе, – напомнил я. – Сказал, что один я там нахватаю, чего потом за год не продашь. Сувенирку заказали в «Адлиге». Обещали привести на неделе. Ещё я был в «Закутке» по поводу сувенирной продукции, там ничего интересного, побрякушки какие-то. Нам нужны здесь побрякушки? Я же тебе звонил, спрашивал.

Димитров молчал.

– Символику твой знакомяга какой-то делает, перевозчик, – продолжил я. – Ты с ним сам договаривался, сказал, чтобы я не лез. Календари вот лежат, их просто ещё бухгалтер в зал не оформила. Вот, – я взял со стола бухгалтера и бросил к Димитрову на стол пачку календарей. – Что там ещё. А, унитаза. Унитаз, Дима, у нас течёт оттого, что это ты заключал договор аренды на помещение...

Я стал рассказывать дальше своё видение наших совместных дел, но Змитер меня перебил.

– Меня жена выгнала, – буркнул Димитров и достал что-то из-под стола. Щелкнул крышкой, срывая пломбу, и глотнул прямо из горлышка. Водка. Меня передёрнуло.

– Будешь? – спросил мой самый главный директор, кри-
вясь и ставя бутылку на стол.

– Не буду, Дима. Прости. Чуть выбрался вчера.

– А, – сказал Димитров. – А я вот так и не выбрался. Вчера
пришёл домой, а в двери верхний замок закрыт. От которого
у меня ключа нет.

– Строгая у тебя жена.

– Специально врезали, – с каким-то мазохистским удо-
вольствием произнес Димитров. – Чтобы я выбраться
не смог, когда запой. Хорошо, пусть запои действительно
не нужны, пусть замок...

Жена действительно иногда просто не выпускала самого
главного директора из дому. Я сначала не мог этого понять,
потом смеялся, затем начала раздражать невозможность опе-
ративно решить какие-то вопросы.

– Но, чёрт побери, не домой же меня не впускать мы этот
замок повесили!

Димитров добавил много матом. Потом снова приложил-
ся к горлышку своей бутылки, и в этот момент вошла Вес-
нина. Змитер, не отрываясь от горлышка, перевёл взгляд
на Веснину, махнул ей рукой – «заходи», спокойно допил,
сколько хотел, и поставил бутылку. Теперь уже, правда, под
стол.

Веснина не повела своей четко очерченной, «вразлет»,
бровью. Я поздоровался с ней. Она со мной. Мы приступил
к своим делам.

У Змитера же, похоже, сегодня никаких дел не было. Он ещё немного посидел, впитал и переварил. Потом Димитров заинтересовался порезом на полу:

– Гляди ты! Только же постелили линолеум... новое всё... А уже порез.

Он оглянулся на нас:

– Никто не знает, чем бы тут..? – спросил директор издательского дома.

– Иодом можно, – неожиданно предложила Веснина.

– Или зелёнкой, – добавил я.

Димитров пошевелил ногой линолеум и совершенно беззлобно сказал:

– Юмор – это хорошо... – тут новая мысль пришла в его светлую голову, и глава концессии спросил:

– А может, у кого трубка есть? – спросил Димитров. Сигарет он не курил, курил исключительно табак.

– Как ни прискорбно, – ответил я.

У Весниной трубки также не было.

Змитер подумал и сказал:

– А вот скажи мне, Саша.

Учредитель концессии собрался с мыслями и продолжил.

– Почему я всё время хожу и побираюсь, а? Почему я не могу просто сходить на Октябрьскую и купить себе там недорогую... Пусть...

Димитров уже опьянел. Табак бы сделал из него вату. А был ещё только первый час дня.

– Хотя бы недорогую трубку. Вот скажи мне – почему?

– Нипочему, – ответил я. – Можешь. Если у тебя есть деньги, и если тебя в метро менты пропустят.

– Тю! Из-за ста грамм не пропустят? Чо это ты такое говоришь?

Ну, если это было сто грамм... Хотя всё могло быть. Могло просто «накрыть» человека с вчера. Запросто. Змитер довольно резво поднялся, поднял руки и сказал мне:

– Смотри, мальчишка!

Я решил, что сейчас будет какой-нибудь акробатический этюд, и даже мелькнула мысль, как бы помешать этому. Но нет. Самый главный директор просто закрыл глаза, потом по очереди дотянулся указательным пальцем до своего носа.

– Видал? – спросил Димитров.

Я заплодировал.

– Ладно. Вынужден, так сказать, ненадолго вас покинуть, – сказал Димитров.

И Змитер пошёл к выходу, задел по дороге стул Даши и даже не заметил этого. Он вышел. Мы с Весниной остались одни. Настал какой-то неловкий момент. У меня были деньги, я хотел их потратить на Веснину, но как это сделать – совершенно не представлял. За последние годы я совершенно разучился ухаживать за девушками.

– Может, перейдём на «ты» уже? – спросил я.

– Вы вроде уже и перешли, – ответила Веснина. Она была увлечена работой.

– Перешли, значит, – говорить мне дальше было решительно нечего.

Я показался себе приехавшим позавчера из деревни колхозником, который разговаривает с арендодателем. Мне, колхознику, квартира нужна была всего на три дня, максимум – на неделю, распродать свой нехитрый товар. Но я выпячиваю широкую грудь и делаю вид, что сниму на месяц точно. Диалог строился отвратительно.

– Я курить, – я встал и вышел из офиса. На улице я закурил.

Через минуту, к моему удивлению, на улицу вышла и Веснина. И тоже закурила.

– Ну что ты, обиделся?

Я с удовольствием, хоть и не без удивления, отметил это вот «ты».

– Старенький я уже обижаться, – сказал я.

– Хм, – по лицу Даши было видно, что я кокетка. – Тебе сколько – тридцать пять?

– Тридцать шесть, – я многозначительно поднял палец вверх.

– Одногодки, выходит. Семьдесят девятого же?

– Его.

– А месяц?

Я хотел сказать что-то несмешное про знаки Зодиака, но вовремя сдержался.

– Октябрь. Десятое десятое. Магическая пара цифр.

– Я старше даже, – ответила Веснина. Я помнил, что день рождения у неё был в мае, и что по гороскопу она была совершенно не подходящий мне Телец. – А что в твоих цифрах-то магического?

– Ну как, ты не чувствуешь, что ли – десять десять. Это ли не магия?

– Неа. Не чувствую. Докурил? Пошли? – сказала Веснина.

Я вдруг понял, что и сейчас она командует мной, совершенно, как тогда. Осознанно? Может быть, она меня всё-таки узнала? Или она всегда была и есть ведущая? Дело в том, что в паре никогда не бывает двух ведущих, считал я. Или двух ведомых. Никогда. Такие пары просто крайне неустойчивы и распадаются так же быстро, как распадаются магниты одного знака.

Мы вернулись. Я решил все-таки ещё раз потрогать быка за рога.

– Даш. Тогда... Ну, четыре дня назад... Я вопрос про кофе тебе задать успел, а вот ответ получить – нет. Ну помнишь?

– Помню. Красивый тот выдался день. Как забыть? У меня, кажется, сотрясение было. К врачу, может, и зря не пошла.

– Да, ударилась ты неудачно, – промямлил я.

После паузы Веснина сказала:

– Ты не хочешь извиниться?

Я растерялся и решил переспросить:

– Извиниться?

– Ну да.

– За что?

– Ну... Это же ваша разборка, ваши проблемы. А сотрясение у меня.

– Моя разборка? Мои проблемы? С чего это ты взяла?

– Димитров говорил, – Веснина оторвалась от своих бумаг и вспомнила что-то. – Тебя в больницу увезли, Димитров приехал и рассказал, что вы свои какие-то старые бандитские дела здесь решали.

«Вот это да, – подумал я. – Ну и сука».

А самое-то главное – зачем? Значит ведь было – зачем. Димитров просто так такие вещи не говорит.

– Ну хорошо... Даша... Если это мои разборки были. То прими мои самые глубокие и самые искренние извинения.

Веснина немного подумала, потом равнодушно сказала:

– Принимается.

Мы поскрипели каждый своей работой. Затем я вспомнил, зачем вообще затеивал этот разговор.

– Даша, так как насчёт кофе? – меланхолично сказал я.

– Кофе?

– Ну да... В тот день, про который мы только что говорили. Я тогда приглашал тебя на самый лучший в Минске кофе. Нас просто прервали.

– Кофе, – сказала Веснина. – Как интересно. Ты отчего то решил, что меня можно склеить?

– Действительно... Что это я...

По-моему Веснина играла со мной в какую-то странную игру, правил которой я никак не мог понять.

Я был жалок. И моё бормотание, даже, наверное, не было различимо. Тут дело немного поправил открывший дверь и замерший на пороге с трубкой Димитров. Он победно пыхтел ею прямо нам в офис.

– Змитер, – сказал я как можно более ровно. – Я, как ответственный за пожарную безопасность, прошу покинуть помещение.

Димитров мутно посмотрел на меня. Вспомнил, кто я. И что здесь делаю. В его воспоминаниях значилось, что я директор и что действительно отвечаю хотя бы за то, чтобы книгарня не сгорела.

– Твоя правда, – сказал Змитер. – Пойду на улицу.

– Я с тобой, – сказал я.

– А Дарья Святославовна? – спросил учтиво самый главный директор.

Надо же. Я за все время так и не узнал, что отец у Весниной, оказывается, прям целый Святослав.

– А Дарья Святославовна курила только что, – сказал я. – Тем более, что есть, о чем пошептать.

Мы вышли на улицу, я тоже закурил.

– Слушай, а чья это была разборка, когда приезжал Денис с войсками? Моя или твоя? – спросил я.

Димитров задумался, затянулся своей трубкой, потом долго выдыхал.

– Как быстро распространяются сведения среди работников организации, – сказал он достаточно сложную фразу без запинки.

– Быстро, – согласился я.

– Пошли, выпьем, – предложил Димитров радушно.

– Не пью, и не отучишь, – сказал я.

– Ну, тады я, – сказал Змитер, достал свою бутылочку и отпил из неё.

Докурили и вернулись в офис. Димитров выпил остатки чая в своей кружке, пожевал чаинки и сказал:

– Каппадокия.

Змитер иногда произносил странные слова по пьяни, я уже перестал на это обращать внимание, Даша же посмотрела на директора и протянула ему список. – Я поеду по организациям, которые могут быть нашими субарендаторами, – сказала Даша. – Это их список. Сегодня, может, вернусь. А может быть, и нет.

– Возвращайся обязательно, – сказал я. – Вечером должно быть интересно.

– Ага, – с пониманием ответила Даша.

– Всего хорошего, – сказал Димитров.

– До свидания, – сухо попрощалась Веснина со Змитром и сделала мне ручкой. – Чао.

Я сделал ей ручкой в ответ.

Через час Димитров допил то, что осталось. Потом стал задвигать мне концепцию развития книгарни, но я сбежал от него в торговый зал к гандлярю Рыгору. Потом Димитров сделался кратковременным, но частым посетителем соседнего ресторана. Туда он отлучался раз в полчаса. В перерывах он долго мусолил свою трубку, пытался меня обнимать, когда я тоже выходил на перекур. Называл своим лучшим другом.

Потом внезапно он решил поговорить о делах.

– За бабки ты не бойся. Будут.

Это был уже более интересный поворот в разговоре.

– Ты просто не знаешь... Как у меня устроено. А устроено у меня так, как в пирамиде.

– Действительно, не знаю, – сказал я.

– Воот, – протянул Змитер и стал выбивать из трубки табак. – Я беру деньги у следующих заказчиков... Ну тех, кто будет у меня издаваться, – здесь Димитров издал звук, похожий на икание. – И перекрываю свои долги по предыдущим. С открытием книгарни у меня сейчас три больших заказа всплыло. Понял?

Я понял. Очень просто, берём деньги со следующих заказов, закрываем предыдущие. Ничего сложного. Кроме одного. Когда-то заказов впереди может не оказаться. Наши дела шли очень хорошо.

– Да ты Мавроди, – глядя в одну точку на земле, сказал я.

Димитров промолчал. Он был занят. Подсчитывал в уме, сколько времени прошло с прошлого посещения ресторана. Получалось, что много.

– Я скоро вернусь, – сказал Димитров и неровной походкой пошёл по знакомому маршруту.

Потом Димитров приглашал быть крёстным отцом его дочки, которая должна была появиться меньше, чем через месяц. Обещал, что обязательно сделает мне визу на несколько лет и познакомит с послами Польши и Германии. Предлагал взять любую книгу из торгового зала в подарок – видимо этого требовала его щедрая сейчас душа. Потом Змитер купил баранок в ближнем гастрономе и кушал их с чаем. Видимо, ужинал. А потом мне всё это смертельно надоело, и я поехал домой.

23.

Моя квартира представляет собой стадион. В зале стоит теннисный стол. На двери моей комнаты дартсы. В кухне стоит детский бильярд. Когда приезжает дочка, длинный мой коридор превращается либо в футбольное поле, либо в хоккейную площадку.

Мне нравится моя квартира. Не нравится, что половина акций жилища принадлежит жене, но пока над квартирой висит кредит, особенно можно не беспокоиться. Совсем по-другому бы я запел, если бы жена заплатила свою часть кредита. Но я приучил себя об этом не думать, чтобы лишний

раз не отравлять себе жизнь.

Я разулся, проходя мимо ванной, включил набираться воду. По инерции включил ТВ, хотя ни снукера, ни биатлона на этой неделе не было. И пошёл снимать одежды в свою комнату. Когда я был уже в трусах, в дверь позвонили. Я выругался. Дело в том, что в основном в дверь мою звонили или попрошайки, или адвентисты не помню какого дня, или продавцы коровьих лепёшек. Одевать ради них халат не хотелось. Я решил подождать – обычно они после первого же звонка благополучно уходили. Но когда в дверь позвонили снова я разозлился и как был, в трусах, пошёл открывать. Если будут что-то впаривать, как раз скажу, что я потому в трусах, что только что из казино. И денег никаких нет. Я открыл.

На пороге стояла Веснина. Раньше я, как оказалось, никогда не оторопел. Потому что оторопел впервые в жизни я только сейчас.

– Привет, – весело сказала она.

Не спрашивая, вошла в коридор. Положила сумочку на рыбацкий стул, сидя на котором, я никогда не ловил рыбы. Сидя на этом стуле, я обычно обувался.

– А ты не так плохо ещё выглядишь, каким кажешься в одежде, – сказала Веснина. Я немедленно подтянул живот и распрямился, чтобы выглядеть ещё лучше.

– Одеваешься просто плохо, – сказала Даша. – То ли вкуса не хватает. То ли денег.

– Есть всё, кроме денег, совести и жалости к врагам, – произнёс я какую-то чушь.

Веснина огляделась.

– Хорошая квартира у тебя. Большая.

Я опомнился и кинулся за халатом, по дороге я прокричал:

– Не совсем-то и моя. У жены половина. Большая.

– Половины, Александр Николаевич, они всегда равные, – без интонаций учительства сказала Веснина. – Большая может быть только часть.

– Спасибо, – я вышел уже в халате. У меня был тяжёлый махровый халат богатого тёмно-синего цвета. Я выбирал его долго – так долго из одежды я, кажется, не выбирал ничего – и гордился своим халатом. – Чаю?

– Ну, вот халат же себе смог купить, – не обратила внимания на вопрос Веснина.

– Это от бабушки просто. В наследство, так сказать.

– А чего не от бабушки? – спросила Веснина.

– Бабушки у меня не было, – опять понёс я какой-то вздор, о чём внутренне горько сожалел. – Чаю, говорю?

– Пойдем лучше погуляем, – просто сказала Веснина.

Я внезапно вспомнил это «будем гулять». Так она мне сказала тогда, пятнадцать лет назад. Когда я от робости и застенчивости не предпринимал никаких шагов сам.

– Кто же лучше нас пойдёт, пойдём конечно, – обрадованно ответил я. – Можно, я в халате? Ну, раз уж он мне идёт?

– Можно, – улыбнулась Веснина. Наконец-то я, кажется, сказал что-то приличное.

– Сейчас, только тапочки найду, чтобы комплект, – я быстро забежал в комнату, скинул халат и в задумчивости посмотрел на свадебный костюм моего друга Пиноккио. Дело в том, что однажды я взял этот костюм, чтобы участвовать в массовке на съемках фильма. Да так он и висел с тех пор у меня, не нужный пока ни мне, ни Пиноккио.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.